

Карлъ Каутскій.

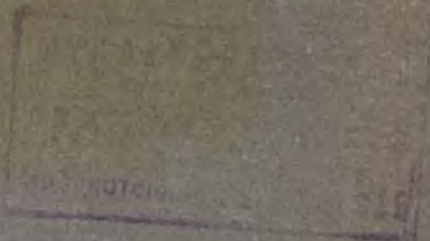
СРЕДНЯЯ ЕВРОПА.

Переводъ съ нѣмецкаго
В. Цедербаума и Б. Волосова.

Съ предисловіемъ **А. Потресова.**

1075

БИБЛИОТЕКА
СЕРБИАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
БЕОГРАД
2402

Москва.
1916.

ИФН
К-30 Каутский
Средняя Евро-
па. БОК.

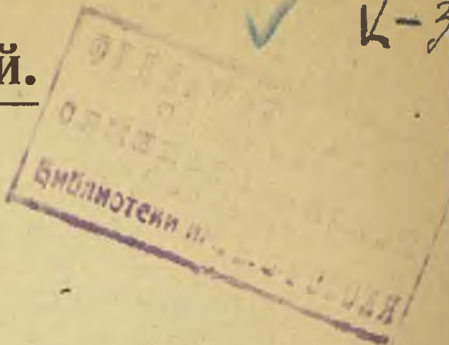
Опис

100
K-30

9(4)

K-3

К. Каутскій.

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА.

Переводъ В. Цедербаума и Б. Волосова.

Съ предисловіемъ А. Н. Потресова.

1075.

БИБЛИОТЕКА
СЕМИПАЛАТИНСКАГО
ВЪСВЯЩЕННАГО
ОБЩЕСТВА КООПЕРАТИВНОГО
Имя: № 2402.
Система: №
отделъ: _____

ср 1488

88

Книгоиздательство „ДЪЛО“.

МОСКВА, 1916 г.

БИБЛИОТЕКА
СЕМИПАЛАТИНСКАГО
СОЮЗА КОММУНИСТОВЪ
Инвент. № 2402
Систем. № _____

ПРЕДИСЛОВІЕ.

отдѣлъ № _____

Предлагаемая вниманію читателей брошюра Каутскаго, интересная вообще, интересна вдвойнѣ для русской демократіи, какъ образецъ той *европейской* манеры подходить къ основнымъ вопросамъ переживаемаго нами катастрофическаго времени, которая такъ непохожа на манеру *россійскую*, наложившую неизгладимую печать на всѣ продукты нашего текущаго творчества, — творчества эпохи войны. Съ этими продуктами брошюра Каутскаго представляетъ непримири-мый контрастъ, и любая страница ея, каждая отдѣльная мысль даетъ богатѣйшій матеріалъ для поучительныхъ сопоставленій. Въ томъ и сказалась, очевидно, дисциплина ума, являющаяся пріобрѣтеніемъ устойчивой, пустившей прочные корни культурной традиціи, что катастрофа не смогла сбить Каутскаго съ пути его многолѣтней работы. Если въ первые моменты войны онъ дрогнулъ, какъ политикъ, и желаніе взять подъ свою защиту германскую социалдемократію, оправдать ея ошибки, продиктовало ему принципиально несостоятельныя отдѣльныя сужденія, то онъ все же не дрогнулъ, какъ ученый, и вся его послѣдующая дѣятельность за истекшіе два года показала съ очевидностью, что не образовалось у него разрыва съ его прошлымъ изслѣдователя, что война не заставила его измѣнить своей методологій, импрессионистски перечеркнуть свои долгимъ опытомъ у жизни отвоенные выводы, что она лишь побудила его, — включивъ новые факты въ сферу своего наблюденія, продолжить свои изысканія въ томъ же самомъ направленіи, которое намѣтилось задолго до того, какъ началась катастрофа.

И о томъ же намъ блестяще засвидѣтельствовала и его настоящая брошюра.

Эта брошюра посвящена специальному вопросу — той темѣ, которая сейчас шумитъ и волнуетъ умы широкихъ круговъ Германіи и Австріи и которую можно формулировать, какъ проблему закрѣпленія и въ послѣвоенное время политики войны, проблему консолидаціи центрально европейскихъ державъ въ нѣкое наднаціональное цѣлое съ оборонительно-наступательнымъ остріемъ противъ западныхъ и восточнаго сосѣдей этихъ державъ. Но Каутскій этотъ частный, хотя и весьма злободневный, вопросъ сумѣлъ поднять до уровня общаго вопроса. Онъ вдвинулъ его въ перспективу исторіи, и именно въ этой связи, разъясняя реакціонность и неосуществимость проекта національ-соціального политика Наумана и его единомышленниковъ, и съ этой цѣлью разбираясь въ основныхъ тенденціяхъ капитализма имперіалистской эпохи, пришелъ къ тѣмъ мыслямъ о современномъ національно-государственномъ развитіи, которыя находятся въ полномъ согласіи съ его давно уже установившейся точкою зрѣнія, но въ то же время и въ разительномъ противорѣчьи со взглядами, пріобрѣтшими подъ вліяніемъ міровой катастрофы прочное право гражданства въ средѣ демократіи Россіи.

Является ли «національно-государственная ограниченность» современныхъ народовъ, т.-е. ихъ раздѣленіе на національныя государства, превзойденною ступенью развитія?

Если судить по тому, что думаетъ значительная часть россійской демократіи, если слѣдовать даже за такимъ осторожнымъ и вдумчивымъ представителемъ марксистской мысли въ Россіи, какъ П. Б. Аксельродъ, то отвѣтъ несомнѣненъ—утвердительный. Да, превзойденная ступень!

Въ своей вышедшей въ прошломъ году на нѣмецкомъ языкѣ въ Швейцаріи брошюрѣ «Die Krise und die Aufgaben der internationalen socialdemokratie» П. Б. Аксельродъ полагаетъ возможнымъ заявлять категорически, что «нынѣшній міровой пожаръ съ чудовищно ужасающей ясностью демонстрируетъ, что современное экономическое развитіе ведетъ къ прорыву національныхъ и государственныхъ образованій». По его мнѣнію, отнынѣ показано, что «государственная и національная собственность

на опредѣленные части территоріи приходитъ во все болѣе непереносное противорѣчіе съ развитіемъ нашихъ современныхъ производительныхъ силъ и что преодолѣніе ея становится исторической необходимостью». Вѣдь «современный имперіализмъ», — говоритъ Аксельродъ, — есть обобщенное выраженіе «попытокъ господствующихъ классовъ устранить растущую несовмѣстимость національно - государственной ограниченности отдѣльныхъ капиталистическихъ странъ съ ихъ тѣсной экономической зависимостью другъ отъ друга и отъ всего мірового хозяйства».

И совершенно отличный отвѣтъ—картину гораздо болѣе сложную, можетъ быть, менѣе отрадную, но, къ сожалѣнію, и болѣе отвѣчающую неподкрашенной дѣйствительности—даетъ намъ авторъ «Эрфуртской программы».

Содержаніе настоящей работы конкретно и убѣдительно рассказываетъ читателю о томъ, что «національное государство»—государственная формація, охватывающая народъ, говорящій на одномъ языкѣ и составляющій націю, есть—пока что—устойчивая и основная ячейка всей современной общественной жизни и что въ противоположность тому, что думаютъ также и нѣкоторые демократы, подобные извѣстному австрійскому писателю Рейнеру, въ современномъ намъ «ходѣ дѣйствительнаго развитія» не замѣчается какихъ-либо признаковъ «расширенія національныхъ государствъ до предѣловъ государствъ національностей», образованія наднаціональнаго государства.

«Исторія—говоритъ Каутскій—не обнаруживаетъ ни малѣйшей тенденціи къ объединенію уже существующихъ національныхъ государствъ съ развитой политической жизнью народныхъ массъ въ интернаціональные міровыя имперіи».

Именно потому и неустойчива Австрія, что она «государство національностей» и, наоборотъ, несмотря на всю совокупность имѣющихся у нея неблагоприятныхъ условій, устойчива Россія, включающая, правда, въ себя рядъ малыхъ народностей, но тѣмъ не менѣе—въ силу огромнаго численнаго преобладанія своей господствующей націи—приближающаяся къ типу національнаго государства.

«К. Рейнеръ—замѣчаетъ Каутскій—выработалъ въ свое

время весьма остроумный планъ, при помощи котораго можно было бы удовлетворительно разрѣшить національныя противорѣчія въ Австріи. Этотъ планъ въ своемъ родѣ столь же гениаленъ, какъ проектировавшійся Фурье фаланстеръ. Но милліонеръ, котораго ожидалъ послѣдній для осуществленія своего плана, такъ-таки никогда не приходилъ. Точно такъ же до сихъ поръ не обнаружилось никакихъ признаковъ силъ, которыя были бы въ состояніи и пожелали бы осуществить планъ Реннера». «Послѣ войны — замѣчаетъ осторожно Каутскій — мы увидимъ, произвела ли она въ этомъ отношеніи какія-либо измѣненія».

Summa summarum, Каутскій отвергаетъ то нынѣ довольно популярное положеніе, что «національное государство превзойдено де экономическимъ развитіемъ», и одновременно устанавливаетъ отсутствіе какого бы то ни было параллелизма—между областью хозяйственной и областью жизни государственной.

И соотвѣтственно этому расхожденію точекъ зрѣнія Аксельрода и Каутскаго на вопросъ о «національно-государственной отграниченности» и ея исторической роли въ современную эпоху, такое же расхожденіе и въ вопросѣ о томъ, что можно опредѣлить какъ національный моментъ въ движеніи современной демократіи. Для Аксельрода всякая ощутимая демократіей связь со своимъ національнымъ цѣлымъ, въ видѣ такъ называемой «любви къ отечеству», «любви къ родной національной культурѣ», всякій «національный индивидуализмъ» есть пережитокъ прошлаго, вредный движенію, приблизительно находящійся въ томъ же отношеніи къ концепціи, которую исповѣдуетъ Аксельродъ, въ какомъ точка зрѣнія прудонистовъ на хозяйственный индивидуализмъ находилась въ свое время къ точкѣ зрѣнія тѣхъ, кто принципиально отвергалъ весь строй современной экономики.

И иное—для Каутскаго. Каутскій и въ данномъ случаѣ подходитъ къ тому, что имъ формулируется, какъ «національная идея», съ приемами историка-ученаго. Онъ беретъ это понятіе въ процессѣ тѣхъ измѣненій, которыя оно претерпѣло за истекшіи 19-й вѣкъ, съ момента, когда форми-

рованіе въ общественной жизни современнаго государства сопровождалось подъемомъ этой идеи. Онъ расщепляетъ это понятіе и показываетъ намъ, что различные классы вкладывали и продолжаютъ вкладывать различное содержаніе въ эту—на первый взглядъ—всѣмъ имъ общую «идею». Онъ констатируетъ, наконецъ, что въ настоящее время можно отмѣтить существованіе своей «національной идеи» у каждой изъ трехъ группъ населенія: у капиталистовъ, у интеллигенціи, у пролетаріата. Пролетарская «національная идея» есть идея національной независимости каждаго народа, объединеннаго единствомъ языка, ибо только при наличности такой независимости пролетаріатъ каждой данной національности можетъ въ полной мѣрѣ осуществлять свое участіе въ политической жизни и соціальной борьбѣ», не будучи деградированъ своей безъязычностью.

«Національная независимость», право націи на самоопредѣленіе есть, поэтому, часть тѣхъ демократическихъ требованій, которыя вытекаютъ изъ самого существа, изъ глубины потребностей, современнаго движенія. Это демократическое требованіе, какъ и многія другія, пролетаріатъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ, отъ тѣхъ «трудящихся массъ», главными представителями которыхъ въ свое время являлись ремесленники, мелкая буржуазія. Но подобно тому, какъ пролетаріатъ вообще «не отбросилъ» старыя идеи, «политическія цѣли» «мелкобуржуазной демократіи» «героическаго періода» ея существованія, а напротивъ—ихъ «дальше развилъ и углубилъ», такъ, по мнѣнію Каутскаго—и въ данномъ случаѣ, когда идетъ рѣчь объ идеѣ самостоятельности націй». Эта идея *«неразрывно связана съ нашими международными и демократическими цѣлями и можетъ быть откинута только вмѣстѣ съ ними».*

Русскому читателю, быть можетъ, интересно, при этомъ, узнать, что настоящая концепція «національной идеи» у Каутскаго не представляетъ какого-либо новшества: она находится—по собственному признанію Каутскаго—въ полной преемственной связи со всѣми тѣми его взглядами, которые имъ развивались по этому вопросу еще двадцать лѣтъ тому назадъ на страницахъ «Neue Zeit».

Въ заключеніе тому же русскому читателю, которому такъ много сейчасъ говорятъ объ «имперіализмѣ», какъ о нѣкоемъ преддверіи радикальнаго преобразованія міровой общественности и при томъ—преддверіи, будто бы уже сейчасъ вызывающемъ коренное измѣненіе во всей демократической политикѣ, не бесполезно будетъ еще остановиться на двухъ замѣчаніяхъ Каутскаго.

Во-первыхъ, на его заявленіи, что «настоящая фаза имперіализма вовсе не должна быть послѣдней фазой проявленія капитализма».

«Не исключена возможность»,—говоритъ Каутскій,—«что за послѣднимъ (т.-е имперіализмомъ, А. П.), снова наступитъ новая эра капитализма при условіяхъ, которыя сдѣлаютъ возможнымъ союзъ государствъ, подобный средне-европейскому, на основѣ добровольнаго вступленія въ него его членовъ, и обезпечать его прочное и благотворное функціонированіе». Или даже «еще въ предѣлахъ капиталистическаго періода» станутъ возможны «Соединенные Штаты Европы».

И, во-вторыхъ, на его мысляхъ о русскомъ развитіи, въ частности на его полемикѣ съ извѣстнымъ Пернерсторферомъ, по вопросу о томъ, что будетъ представлять собою будущая либеральная Россія. Здѣсь наши многочисленные демократы съ уклономъ къ максимализму не встрѣтятъ ожиданій универсальнаго преображенія страны, но найдутъ весьма любопытныя указанія на то, почему въ обстановкѣ /русскаго взаимоотношенія національностей отсутствуютъ тѣ объективныя условія, которыя во многихъ другихъ государствахъ толкаютъ либерализмъ господствующей націи на угнетеніе инородныхъ національностей.

И точно такъ же заслуживаетъ всякаго вниманія та связь, которую Каутскій устанавливаетъ между моментомъ сдѣянія въ Россіи различныхъ народностей, ихъ—я бы сказалъ—центростремительными, а не центробѣжными стремленіями, и ихъ не угасшими надеждами на конечное упорядоченіе всего огромнаго цѣлага.

Я надѣюсь, что даже изъ этихъ моихъ, по необходимости бѣглыхъ, замѣчаній читатель пойметъ, какой животрепещу-

щій, злободневный интересъ представляетъ для идейной жизни демократіи Россіи это новое произведеніе Каутскаго, этотъ послѣдній образчикъ его критической мысли, его анализирующаго ума.

Сейчасъ, когда столько блуждающихъ огоньковъ, которые чѣмъ больше манятъ, тѣмъ дальше заводятъ въ трясины, умъ Каутскаго рисуется мнѣ тѣмъ вѣрнымъ огнемъ, который зажженъ на маякѣ, на твердой гранитной скалѣ. Пусть бушуетъ стихія, и волны бьются и лижутъ скалу, ровный свѣтъ маяка прорѣзаетъ мглу и помогаетъ путнику держать правильный курсъ. Огонь—на твердой землѣ, на скалѣ—не даетъ хаосу себя побѣдить. Онъ устоитъ!

Мнѣ кажется, русскому демократу-читателю, неустоявшему, смятенному, «максимализирующему» слѣдуетъ почаще прикасаться къ этой «землѣ», къ той культурной традиціи, которой такъ много вобрало въ себя великолѣпное мышленіе Каутскаго. Свѣтъ, идущій отъ Каутскаго, волеетъ въ русскаго читателя хотя бы сколько-нибудь отъ нужнаго ему равновѣсія ума, неліцепріятія логики, не поддающейся импрессионистскимъ соблазнамъ. Онъ хоть немного, но можетъ быть, все же оздоровитъ больное сознаніе.

А. Потресовъ.

1. Цѣль Науманна.

Еще до войны раздавалось требованіе, чтобы противъ двухъ гигантскихъ имперій на востокъ и западѣ—Россіи и Великобританіи—лежація между ними европейскія государства соединились воедино. Война сдѣлала популярнымъ это требованіе въ широкихъ кругахъ какъ Германіи, такъ и Австріи. Вопросъ объ объединеніи, по крайней мѣрѣ, обѣихъ этихъ имперій въ качествѣ ядра будущей Средней Европы подвергается въ настоящее время живому обсужденію.

Вѣроятно, наиболѣе краснорѣчиваго защитника эта идея нашла въ лицѣ извѣстнаго бывшаго національ-соціалиста Фридриха Науманна, посвятившаго ей обширное сочиненіе «Средняя Европа» ¹⁾.

Науманнъ полагаетъ, что наступило уже время дать себѣ ясный отчетъ, во имя какихъ, собственно, цѣлей ведется война.

«Война началась не ради достиженія какой-нибудь опредѣленной цѣли. Поэтому у нея отсутствовала внутренняя единая идея, и манифесты монарховъ и министровъ, сообщавшіе объ объявленіи войны, не заключали въ себѣ никакой программы: всѣ борцы отъ Апенраде до Фіуме не имѣли общаго лозунга» (стр. 9).

Война чрезвычайно затрудняетъ разработку этой недостающей программы:

«Во время войны отвѣтственные руководители борющихся государствъ настолько поглощены текущими задачами, что имъ не до историческихъ размышленій» (стр. 8).

Повидимому, Науманнъ не считаетъ нынѣшнюю неслыханную войну такой исторической міровой катастрофой, которая разрѣшаетъ всѣ стоящія до нея крупныя проблемы, создавая базисъ для новаго безпрепятственнаго плодотворнаго творчества. Напротивъ того, онъ высказывается въ томъ смыслѣ, что война будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ увеличеніе и усложненіе проблемъ, предшествовавшихъ ея возникновенію.

«Война оставитъ въ послѣдство невѣроятное количество неразрѣшенныхъ какъ старыхъ проблемъ, такъ и вновь

¹⁾ Fr. Naumann, Mitteleuropa, Berlin, Georg Reimer, 299 стр.

возникшихъ; она пробудитъ разочарованіе и надежды, которыя найдутъ себѣ выраженіе въ дальнѣйшихъ вооруженіяхъ» (стр. 7).

При такомъ положеніи вещей представляется по меньшей мѣрѣ необходимымъ, чтобы война закончилась тѣснымъ союзомъ между Германіей и Австріей, который составитъ ядро новой Средней Европы и къ которому впослѣдствіи прикнутъ окружающія ихъ мелкія государства.

«Во всякомъ случаѣ чрезвычайно важно, покинуть ли уполномоченные изъ Берлина, Вѣны и Будапешта залъ мирнаго конгресса, какъ открытые вѣрные друзья, или какъ тайные противники. Мы хотѣли бы, чтобы они вернулись къ своимъ народамъ съ лозунгомъ: навсегда нераздѣльны. Только этотъ лозунгъ принесетъ всѣмъ имъ нѣчто дѣйствительное, новую творческую работу, великую надежду, начало новаго періода. Только въ этомъ случаѣ народы Средней Европы сумѣютъ послѣ войны найти оправданіе тому, что мы одинъ за другого проливали нашу кровь. Какое намъ, нѣмцамъ изъ Германіи, было дѣло до Сараевского убійства? Чего искали мы въ Карпатахъ? Какіе интересы у венгровъ и юго-славянъ въ Зеебрюге? Зачѣмъ богемскимъ нѣмцамъ или чехамъ было защищать Воегезы? Вся исторія войны съ ея страданіями и геройскими подвигами была бы безцѣльной, бессмысленной, если бы война окончилась несогласіемъ между участвовавшими въ ней союзниками. Это несогласіе совсѣмъ не такъ далеко отъ дѣйствительности, какъ предполагаютъ нѣкоторые, ибо духъ единой Средней Европы не кажется еще простой самоочевидностью и предстоящіе мирные переговоры представятъ множество мелкихъ и крупныхъ поводовъ къ треніямъ и столкновеніямъ» (стр. 5).

Науманнъ считаетъ поэтому настоятельнѣйшею заповѣдью момента пробужденіе «духа единой Средней Европы», и для этой цѣли онъ вкладываетъ въ свою книгу не только всѣ свои научныя познанія и все свое остроуміе, но широчайшимъ потокомъ разливаетъ свое пастырское краснорѣчіе. Въ упоеніи онъ восклицаетъ:

«Въ поэзіи и прозѣ поднимайся, воспрянь въ вышину, Средняя Европа!» (стр. 231).

Онъ закликаетъ поэтовъ помочь ему въ дѣлѣ пропаганды въ пользу Средней Европы. О томъ же онъ закликаетъ и профессоровъ исторіи.

«О, исторія прошлаго, чудесный хаосъ, множество образовъ, я прошу васъ дружески помочь намъ. Если вы захотите, вы облегчите нашу задачу. Выступайте, знатоки исторіи — спеціалисты, истолкователи грядущей исторіи народовъ,

раскрывайте свое пониманіе часто скрытаго отъ насъ стремленія къ созданію Средней Европы!» (стр. 58).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Науманнъ умѣетъ говорить и сухой прозой, и—надо отдать ему справедливость,—онъ умѣетъ не только развить съ своей точки зрѣнія всѣ аргументы въ пользу Средней Европы, но и съ достаточною ясностью обнаружить крупныя препятствія, стоящія на пути осуществленія его мечты.

Онъ не останавливается передъ «последнимъ, труднѣйшимъ вопросомъ», «сможетъ ли, вообще, Дунайская монархія—одна или при помощи союза—сохранить свое существованіе».

«Этотъ вопросъ будетъ серьезно обсуждаться какъ внутри, такъ и внѣ черно-желтыхъ границъ, и мы не можемъ обойти его, такъ какъ существуютъ серьезные нѣмецкіе политики, которые только потому не хотятъ ничего слышать о средне-европейскомъ союзѣ, что они считаютъ исторически неизбежнымъ распаденіе до сихъ поръ союзнаго дуалистическаго государства; въ самой Австріи имѣлись и имѣются люди, принадлежащіе къ другимъ національностямъ и думающіе точно такъ же» (стр. 23—24).

Самъ Науманнъ, конечно, держится другого мнѣнія. Онъ полагаетъ, что «приговоренные къ смерти часто живутъ дольше всѣхъ». Впрочемъ, онъ не ожидаетъ, чтобы въ Австріи послѣ войны все пошло совершенно гладко.

«Дѣйствительное единство при началѣ войны могло бы въ интересахъ самой монархіи проявиться совершенно иначе, если бы австрійское правительство чувствовало достаточно увѣренности для того, чтобы въ первые дни августа 1914 г. созвать палату депутатовъ въ Вѣнѣ, какъ это было сдѣлано въ Берлинѣ и Будапештѣ. Отказъ въ созывѣ парламента больше, чѣмъ что-нибудь другое, освѣщаетъ положеніе дѣлъ въ государствѣ, состоящемъ изъ многихъ народовъ. Конечно, парламентъ борющихся націй при началѣ войны не могъ явиться просто необходимымъ, само собою разумѣющимся, выраженіемъ воли государства. По тѣмъ же причинамъ, по какимъ онъ страдалъ отъ своего прошлаго, было бы трудно создать въ немъ духъ большинства. Но то, что при началѣ войны не было сдѣлано вслѣдствіе излишняго чувства опасенія, должно быть сдѣлано при окончаніи войны, ибо въ конечномъ счетѣ народное представительство должно будетъ взять на свои плечи устройство государственныхъ финансовъ. Это, конечно, будетъ теперь гораздо труднѣе, чѣмъ было бы въ августѣ, но въ день созыва австрійской палаты депутатовъ обнаружится, усилила ли настолько великая общая война съ ея безчисленными кровавыми жертвами

государственный смысл борющихся націй, чтобы они снова пожелали быть только австрійцами, потому что другого выхода для нихъ нѣтъ и быть не можетъ. Мы надѣемся, что послѣ войны панславистскія мечты разсѣются, итальянскіе вопросы о границахъ будутъ какъ-нибудь урегулированы, всенѣмецкія сепаратистскія стремленія перейдутъ въ вѣрную союзную привязанность къ двумъ среднеевропейскимъ державамъ. Можетъ быть, неизбежно начнется запоздалая расплата съ невѣрностью и, лишь только смолкнуть пушки, тотчасъ же вспыхнутъ нѣкоторые очень тяжелые національные конфликты, но это пройдетъ, а сами народы и государство останутся» (стр. 97).

Отъ національныхъ разногласій Науманнъ ожидаетъ не распадёнія Австріи, но лишь затрудненій для созданія Средней Европы.

«Австрійскіе и даже венгерскіе славяне (чехи, поляки, русины, словаки, словинцы, далматинцы), какъ и венгерскіе румыны заранѣе не предвидятъ ничего особенно хорошаго отъ братанія съ нѣмцами германской имперіи, потому что въ своей коммунальной и провинціальной обстановкѣ они, по большей части, вели непрерывную борьбу съ мѣстными нѣмцами» (стр. 19).

Иначе обстоитъ съ венграми и нѣмцами. У нихъ имѣются вполне основательные мотивы для болѣе тѣснаго политическаго союза съ германской имперіей. Но ихъ экономическіе интересы отнюдь не одинаковы какъ на внутреннемъ, такъ и на внѣшнемъ рынкѣ. Венгрія, въ качествѣ сельскохозяйственной страны, является въ Германіи конкурентомъ нѣмецкихъ аграріевъ. Въ области внѣшней политики, напримѣръ по отношенію къ Румыніи, она равнымъ образомъ имѣетъ иные интересы, чѣмъ Германія. Съ другой стороны, Австрія стала промышленнымъ государствомъ и германская промышленность является ея конкурентомъ.

«Нѣмецкій предприниматель, отвлеченно говоря, какъ человекъ и нѣмецъ, желаетъ возможно болѣе тѣсной связи со своей великой дорогой родиной, но, какъ дѣловой человекъ, онъ разсуждаетъ иногда такимъ образомъ: «Боже, охрани меня отъ моихъ друзей»... Часто конкуренція германской имперіи является или, по крайней мѣрѣ, можетъ казаться ему серьезнѣйшею опасностью для австрійско-нѣмецкой промышленности... Не нѣмецкіе предприниматели также могутъ быть озабочены подобными же соображеніями» (стр. 21).

Это противорѣчіе даетъ себя знать не только на внутреннемъ рынкѣ.

«Австрійскіе фабриканты... расчитываютъ имѣть въ бал-

канскихъ государствахъ неограниченныя преимущества и раздражаются на нѣмцевъ Германіи за то, что они въ послѣдніе годы передъ войной, съ замѣтно растущимъ успѣхомъ, продавали свои товары въ Румыніи, Болгаріи и даже Сербіи... Не имѣя колоній и почти лишенная собственныхъ экономическихъ сферъ вліянія, Австрія вынуждена все-таки экспортировать свои товары, чтобы не увеличить эмиграціи своего населенія. Мы, нѣмцы германской имперіи, должны разъ навсегда дѣйствительно понять замкнутое изолированное положеніе Австріи и перестать съ насмѣшкой встрѣчать недовѣріе, вызываемое подчасъ у австрійцевъ и венгерцевъ нашей успѣшной экономической политикой. Скажемъ откровенно: австрійцы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ питаютъ къ намъ тѣ же чувства, какія мы испытываемъ по отношенію къ англійскому міровому господству, а именно смѣсь уваженія, зависти и вражды. Обыкновенно о невѣсомыхъ величинахъ не принято говорить; литература, посвященная вопросу о таможенномъ единствѣ, обходитъ эти неподдающіеся учету моменты, но я твердо убѣжденъ, что безъ совершенно открытаго проникновенія во всѣ глубины вопроса жизненно необходимый среднеевропейскій союзъ не сможетъ осуществиться. Мы нуждаемся для его осуществленія не только въ духѣ предпримчивости, но и въ общемъ гармоническомъ творческомъ настроеніи. Практически это означаетъ, что таможенный и торговый договоръ между Германіей и Австро-Венгеріей только тогда будетъ имѣть творческое значеніе, если онъ, въ интересахъ совмѣстнаго регулированія *внѣшнихъ рынковъ, которые надо сохранить или приобрести*, не ограничится взаимнымъ обмѣномъ, выгодами и преимуществами. Если этого не будетъ, то договоръ, навѣрное, окажется договоромъ взаимнаго отчужденія» (стр. 218, 219).

Но еще болѣе необходимо, чтобы Средняя Европа заложила основы согласованнаго преобразованія налоговъ, денежной системы, желѣзнодорожной политики и даже управленія.

«Только въ томъ случаѣ можно снять пограничную стражу, если заранѣе или одновременно, или въ крайнемъ случаѣ немного спустя, будутъ, по возможности, выравнены и остальные производственныя отношенія... Нѣкоторая степень единообразія, во всякомъ случаѣ, является необходимой предпосылкой уничтоженія пограничной черты. Если, на-примѣръ, производство хлопчатой бумаги для промышленника сѣверной Богеміи обходится дороже, чѣмъ для саксонскаго предпринимателя той же отрасли промышленности, то при уничтоженіи пошлины послѣдній, безъ сомнѣнія,

получаетъ преимущество. Поэтому соотвѣтствующая желѣзнодорожная и транспортная политика должна идти параллельно съ введеніемъ общаго таможеннаго тарифа. Или, если, напримѣръ, акціонерное общество въ Австріи должно платить гораздо больше налоговъ, чѣмъ въ Пруссіи, то при уничтоженіи границы австрійскія общества, если имъ это понадобится, будутъ переводиться въ Силезію. Или, если австрійскій фабрикантъ, вслѣдствіе пониженія австрійской валюты, долженъ будетъ больше платить въ кронахъ за вывозимые изъ Германіи полуфабрикаты, чѣмъ его конкурентъ въ Германіи въ маркахъ, то ему будетъ крайне невыгодно продавать по одинаковой цѣнѣ съ нимъ. Если австріецъ, вслѣдствіе нѣкоторой административной волокиты, на два года позже нѣмца изъ Германіи сможетъ построить новый заводъ, то этого времени достаточно, чтобы доставить послѣднему преимущества. Можно было бы привести еще множество подобныхъ примѣровъ, и выводъ изъ всего этого таковъ: для австрійцевъ таможенное объединеніе имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если оно въ то же время будетъ чѣмъ-то большимъ, чѣмъ простымъ таможеннымъ объединеніемъ» (стр. 200).

Итакъ, таможенное объединеніе предполагаетъ тѣсныя взаимоотношенія союзныхъ государствъ между собой, ограничивающія суверенитетъ каждаго изъ нихъ, при чемъ каждое изъ союзныхъ государствъ, въ свою очередь, представляетъ изъ себя союзъ государствъ, а Австро-Венгрія, сверхъ того, совершенно неоформленный союзъ.

Торговля сношенія Венгріи съ Германіей «зависятъ отъ доброй воли австрійскаго министерства путей сообщенія».

«Венгрія не удовлетворится однимъ только торговымъ объединеніемъ, безъ дальнѣйшихъ дополнительныхъ параграфовъ. Подобно Австріи, она будетъ требовать сближенія въ области права и управленія и, кромѣ того, гарантіи въ томъ, что сырые продукты, полуфабрикаты или товары, которые она ввозитъ изъ Германіи, не будутъ задерживаться по дорогѣ или подниматься въ цѣнѣ сверхъ необходимаго, а также въ томъ, что ея скоть, фрукты, виноградъ, овощи и масло со всею возможною скоростью будутъ доставляться въ Берлинъ».

«Такъ какъ Венгрія въ этомъ отношеніи недовѣрчива, то она легко сдѣлаетъ еще одинъ шагъ и будетъ требовать въ согласіи съ прежнимъ положеніемъ, собственной промежуточной таможенной границы съ Австріей... Идея экономически самостоятельнаго венгерскаго государства имѣется на лицѣ и возможно, что она вновь пробудится именно

благодаря необходимому и неизбежному обсужденію вопроса о средневропейскомъ торговомъ объединеніи» (стр. 201).

Объ этой идеѣ экономически независимаго венгерскаго государства Науманнъ говоритъ выше по другому поводу слѣдующее:

«Не будучи отдѣлена отъ Австріи таможенной границей, Венгрія во время войны ведетъ свою собственную хлѣбную политику, имѣетъ собственныя предѣльныя цѣны, собственную желѣзнодорожную практику и при этомъ почти такъ, какъ если бы дѣло шло о договорѣ между собой двухъ совершенно различныхъ государствъ. Это положеніе усугубляется тѣмъ, что подвозъ изъ Румыніи въ Вѣну можетъ происходить только черезъ Венгрію. Во время общей войны Австрія находится въ чувствительной зависимости отъ Венгрии. Нѣтъ никакого смысла проносить по этому поводу негодующія рѣчи. Венгры, безъ сомнѣнія, настаиваютъ на своемъ правѣ. Они всегда во всѣхъ спорныхъ вопросахъ отстаивали точку зрѣнія независимаго въ экономическомъ отношеніи венгерскаго государства и во время войны продолжали лишь то, что всегда составляло ихъ убѣжденіе и привычку... Они проливаютъ свою кровь вмѣстѣ съ австріяцами, но сознательно устанавливаютъ въ продающемъ Будапештѣ болѣе высокія цѣны на хлѣбъ, чѣмъ въ покупающей Вѣнѣ» (стр. 157, 158).

Науманнъ выдвигаетъ всѣ эти затрудненія не для того, чтобы отпугнуть отъ мысли объ основаніи Средней Европы. Мы уже видѣли, что онъ взываетъ ко всѣмъ силамъ поэзіи и прозы для пропаганды этой идеи, осуществленіе которой кажется ему необходимымъ. Приводимыя имъ затрудненія должны не отпугнуть, но лишь предостеречь, заставить быть осторожнѣе, не увлекаться. Многочисленные противорѣчивые интересы должны быть не устранены путемъ непреодолимаго движенія впередъ, но заглушены тѣмъ, что оно будетъ совершаться незамѣтными маленькими шагами. Это та же самая политика «выдалбливанія» (*Aushöhlung*), которую защищаютъ нѣкоторые марксисты, отчаявшіеся въ томъ, что пролетаріатъ когда-нибудь завоюетъ политическую власть и видящіе единственно вѣрный путь его освобожденія въ незамѣтномъ отученіи капиталистовъ отъ капиталистической эксплуатаціи.

Въ высшей степени комично видѣть, какъ Науманнъ, приведя сперва всяческіе аргументы въ пользу того, что можетъ и должна означать и что способна осуществить Средняя Европа, потомъ понемногу начинаетъ отказываться отъ одного кусочка Средней Европы за другимъ, пока, въ концѣ-концовъ, не приходится къ положенію, которое, въ

сущности, почти не отличается отъ существовавшего до сихъ поръ отношенія между союзниками.

Для Науманна главною цѣлью является вызвать *волю* къ созданію Средней Европы. Изъ этой воли она должна шагъ за шагомъ возникнуть, благодаря совмѣстной работѣ и соглашеніямъ, благодаря постепенной привычкѣ другъ къ другу и расширенію круга вопросовъ, совмѣстно регулируемыхъ договорами.

«Уже въ настоящее время имѣются разнаго рода опасенія относительно Средней Европы, которыя могутъ погубить всѣ наши надежды, если мы не сумѣемъ отнестись къ нимъ по-человѣчески. Новое должно наступить не подобно внезапному обвалу, но въ результатѣ здороваго, спокойнаго роста, путемъ постепеннаго созиданія, а не разрушенія» (стр. 238).

Еще въ введеніи къ своей книгѣ Науманнъ высказывается противъ того, чтобы набрасывать опредѣленную программу для Средней Европы и намѣчать пункты, которыми будетъ она регулироваться.

«Для специалистовъ ничего не стоитъ перечислить десять или двѣнадцать пунктовъ программы. Напримѣръ, одинаковый законъ о воинской повинности; взаимный военный контроль; общій комитетъ для завѣдыванія иностранными дѣлами; общій желѣзнодорожный совѣтъ; рѣчное управленіе и т. д.; одинаковая монетная система и система мѣры и вѣса; одинаковое банковое и торговое право; одинаковый способъ покрытія военныхъ издержекъ; взаимная ответственность по отношенію къ государственному долгу; одинаковый таможенный тарифъ; одновременное повышение пошлинъ, общее законодательство объ охранѣ труда; одинаковое право союзовъ и синдикатовъ и т. д.»

«Можно было бы безъ конца продолжать въ томъ же духѣ, но это не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ въ дѣйствительной жизни вопросы выдвигаются одинъ за другимъ и никто не можетъ заранее знать ихъ послѣдовательности и чередованія. *Даже для политическихъ партій программный каталогъ требованій часто есть скорѣе признакъ слабости, чѣмъ силы*, такъ какъ такіе каталоги, съ одной стороны, отпугиваютъ людей, которые не выносятъ почему-либо именно какого-нибудь одного изъ перечисленныхъ пунктовъ, но зато съ живымъ сочувствіемъ относятся къ другому; съ другой же стороны, потому, что партійные вожди напрасно связываютъ себя ими руки и часто не въ состояніи выполнить того, подъ чѣмъ они подписались. Они хотятъ и должны быть судимы по ихъ поступкамъ *отъ случая къ случаю* и должны, по своему разумѣнію, лишь шагъ за шагомъ осуществлять общіе партійные идеалы и жизненные

цѣли. Это основанное на опытѣ практическое пониманіе сущности партій въ еще большей степени примѣнимо къ государству» (стр. 29, 30).

Когда Науманнъ говоритъ здѣсь о государствѣ, онъ подразумѣваетъ правительство. Государство, конечно, не имѣетъ никакой программы. Мысль Науманна такова: для правительства опредѣленная программа можетъ быть еще болѣе неудобной, чѣмъ для представителя оппозиціи, такъ какъ отъ него гораздо скорѣе могутъ потребовать исполненія того, что оно обѣщало. Несомнѣнно, «практичнѣе» не «связывать себѣ рукъ»; спрашивается только для кого: для отдѣльнаго ли политика, для его партіи или для государства. Разсужденія Науманна ясно обнаруживаютъ одно: Средняя Европа должна выйти изъ войны не по готовому заранѣе образцу, не какъ Германская Имперія въ 1870 году. Она должна возникнуть не теперь, пока, благодаря войнѣ, всѣ отношенія переживаютъ переходную стадію; сперва эти отношенія должны снова достигнуть относительной устойчивости мирнаго состоянія, и тогда только мы начнемъ дѣлать «отъ случая къ случаю» одинъ маленькій шагъ за другимъ въ направленіи къ Средней Европѣ.

Науманнъ безусловно правъ въ томъ отношеніи, что затрудненія въ настоящее время слишкомъ велики, чтобы ихъ можно было преодолѣть. Но онъ вѣритъ, что они уменьшатся отъ того, что онъ отсрочитъ моментъ ихъ преодолѣнія. Но это произошло бы только въ томъ случаѣ, если бы социальное развитіе дѣйствовало въ направленіи къ смягченію сопротивленія и противорѣчій интересовъ, о которыхъ терпѣть крушеніе немедленное установленіе Средней Европы. Но эта мысль даже не приходитъ ему въ голову. И она не нашла бы ни въ чемъ подкрѣпленія. Увѣренность Науманна покоится исключительно на ожиданіи, что тѣ самыя интересы, которые препятствуютъ немедленному осуществленію Средней Европы, начнутъ сглаживаться и взаимно приближаться другъ къ другу, если только медленно начать идти впередъ. Но какъ это можетъ случиться, если интересы эти такъ же мало могутъ быть примиримы «отъ случая къ случаю», какъ и «программно»?

Всѣ затрудненія, на которыя указываетъ Науманнъ, представляютъ собой именно затрудненія «отъ случая къ случаю».

Если нельзя пробудить въ массѣ населенія могущественнаго энтузіазма въ пользу Средней Европы, который былъ бы достаточенъ силенъ, чтобы получить преобладаніе надъ частными интересами, то виды на осуществленіе этой фантазіи крайне мрачны. Энтузіазмъ всегда порождается

только широкой и определенной программой, а не расплывчатыми надеждами на соглашения «от случая къ случаю».

Политикъ отказывается отъ программы только тогда, когда онъ не вѣритъ въ дѣйствительную силу открытаго исповѣданія своихъ дѣйствительныхъ стремленій. И это также является результатомъ «практическаго пониманія, основаннаго на опытѣ».

2. Великая Германія.

Какова же должна быть позиція марксистовъ по отноше-
нію къ планамъ Средней Европы? Вопросъ не исчерпывается
тѣмъ, что нѣтъ никакихъ надеждъ на осуществленіе въ
предвидимомъ будущемъ этого новаго государственнаго
образованія. Рабочая демократія выдвигаетъ нѣкоторыя тре-
бованія, на непосредственное осуществленіе которыхъ она
не рассчитываетъ. И хотя въ ближайшее время нѣтъ осно-
ваній ожидать осуществленія среднеевропейскаго союза го-
сударствъ, мы все же должны считаться съ возможностью,
что «отъ случая къ случаю» будутъ всплывать идущіе въ
его направленіи проекты. Какъ слѣдуетъ относиться къ нимъ?

Уже самый интернаціональный и демократическій характеръ
нашей партіи указываетъ намъ путь. Мы съ радостью должны
привѣтствовать и поддерживать всякое паденіе границъ ме-
жду народами и государствами, если оно совершается безъ
нарушенія интересовъ демократіи и не преслѣдуетъ цѣли
созданія новыхъ границъ между народами и государствами.

Созданіе Средней Европы было бы весьма сомнительнымъ
шагомъ впередъ, если бы оно совершилось съ цѣлью под-
держать или даже обострить послѣ войны противорѣчія
между центральными державами и ихъ сосѣдями; если бы,
перефразируя слова Клаузевица, Средняя Европа преслѣ-
довала задачу продолжать во время мира другими сред-
ствами военную политику¹⁾.

Слѣдуетъ поэтому поближе приглядѣться къ гг. «средне-
европейцамъ». Науманъ считаетъ образованіе Средней Европы
необходимымъ потому, что въ настоящее время только го-

¹⁾ Эти строки были уже набраны, когда я прочелъ въ журналѣ „Der Kampf“, что Гильфердингъ въ своемъ разборѣ книги Науманна, озагла-
вленномъ „Европейцы и Среднеевропейцы“, употребилъ подобное же вы-
раженіе, говоря, что созданіе „Средней Европы“ было бы лучшимъ сред-
ствомъ „создать миръ, который былъ бы только продолженіемъ войны при
помощи экономическихъ средствъ“. Мы сходимся съ Гильфердингомъ не
только въ этой мысли. Во всѣхъ главныхъ пунктахъ мы приходимъ къ
одинаковымъ выводамъ. Его статья, касающаяся преимущественно эконо-
мической стороны вопроса, составляетъ удачное дополненіе и подтвер-
жденіе моей.

сударственный колоссъ способенъ вести самостоятельную политику.

«Кто не находится въ союзѣ, тотъ изолированъ; кто изолированъ тотъ подвергается опасности. Въ начинающемся историческомъ періодѣ союзовъ государствъ и огромныхъ государствъ, и Пруссія, и Германія, и Австрія, и Венгерія слишкомъ малы сами по себѣ» (стр. 4).

Въ другомъ мѣстѣ Науманнъ разбираетъ вопросъ, не сможетъ ли Германія сблизиться съ Россіей.

«Допустимъ осуществленіе длительного договора съ Россіей. Въ экономическомъ отношеніи онъ сулитъ блестящія успѣхи, ибо онъ открываетъ для нашей промышленности первоклассный рынокъ сбыта, послѣ того, какъ затраченные тамъ въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій французскіе миллиарды ушли на первое овладѣніе русской экономической жизнью. При настоящемъ положеніи вещей хозяйство Россіи и Германіи прямо паразитально дополняютъ другъ друга».

Но «мы продадимъ наше самостоятельное политическое будущее... мы превратимся въ западный народъ—придатокъ восточной державы, хотя и не незначительный, но отнюдь не руководящій. Мы покроемъ нашимъ добрымъ именемъ плохое хозяйство Россіи... Наши культурныя чувства встаютъ противъ этого... Никогда. Лучше быть маленькими и въ одиночествѣ, чѣмъ русскими!» (стр. 175).

Хочетъ ли Науманнъ сказать этимъ только то, что онъ отклоняетъ всякую солидарность съ «плохимъ хозяйствомъ» современной Россіи. А какъ быть, если война создастъ новую Россію?..

.....
.....
..... Какія основанія будутъ тогда у Науманна противодѣйствовать дружественнымъ отношеніямъ между Россіей и Германіей?

Съ другой стороны—Англія.

«Гораздо естественнѣе и легче для насъ, несмотря на всѣ военные мотивы ненависти, представить себѣ длительный союзъ съ англійской міровой державой. Мы стали бы тогда, какъ выражается одинъ изъ моихъ друзей, junior partners (младшими компаньонами) англійской всемірной фирмы, доставляли бы ей агентовъ и клерковъ, строили бы для нея корабли и посылали бы учителей въ ея колоніи, доставляли бы на англійско-международныя складочныя мѣста старательно обработанные и хорошо оплачиваемые нѣмецкіе товары; говорили бы за предѣлами нашихъ четырехъ границъ по-англійски, радовались бы англійскому интернаціонализму и сражались бы въ будущихъ англійскихъ битвахъ съ Рос-

сеіей. Нашъ военный флотъ и подводныя лодки не имѣли бы передъ собой никакихъ собственныхъ нѣмецкихъ цѣлей, потому что кто рѣшился бы оспаривать морское могущество Англїи, если бы мы склонились передъ ней? Все это было бы урегулировано, согласно англійскому обычаю, въ чрезвычайно приличныхъ и прїятныхъ формахъ, но исторїя Германской имперїи превратилась бы въ чисто территориальную исторїю, какъ въ настоящее время исторїя Саксонїи или Вюртемберга. Такъ поступаетъ великій народъ только тогда, когда ему ничего другого не остается. Мы знаемъ, что очень многіе народы не смогли бы найти иного выхода, какъ искать такого присоединенія къ той или другой сторонѣ, но насъ наша сила и традиціи влекутъ къ болѣе высокой цѣли: *самимъ стать притягательнымъ пунктомъ*» (стр. 176).

Итакъ, Науманнъ отнюдь не опасается угрозы для промышленности Германїи отъ соглашенія съ Англїей. Напротивъ того, онъ признаетъ, что «въ отношенїи торговой политики многое говоритъ въ пользу этого» (стр. 56).

Тѣмъ не менѣе, онъ противъ этого союза. Во-первыхъ, потому, что нѣмецкій военный флотъ не будетъ тогда больше имѣть нѣмецкихъ цѣлей. Между тѣмъ это могло бы произойти только въ томъ случаѣ, если бы Германїи на морѣ ничто болѣе не угрожало, если бы «нѣмецкая цѣль», которой долженъ служить германскій военный флотъ, мирно, безъ всякихъ жертвъ, могла быть достигнута съ выгодой для экономического развитїя страны. Казалось бы, что это настоятельно говоритъ въ пользу, а не противъ соглашенія.

Но не придется ли намъ «вести англійскія битвы съ Россїей?» Характерно, что Науманнъ можетъ представить себѣ сближеніе между народами только какъ средство для подавленія кого-нибудь третьяго. И спрашивается затѣмъ, почему союзъ будетъ обязывать только Германїю вести англійскія битвы, а не Англїю нѣмецкія? При союзѣ обѣ стороны одинаково связаны, но во имя опредѣленной общей цѣли. Конечно, если изъ двухъ союзныхъ правительствъ одно превосходитъ другое въ умственномъ отношенїи, то первое сумѣетъ одурачить второе и заставить его служить своимъ особымъ цѣлямъ. Но отъ этой опасности не свободенъ ни одинъ союзъ. Это опасеніе могло бы говорить не противъ союза съ Англїей, но противъ всякаго союза вообще. Или Науманнъ столь чрезмѣрно высоко оцѣниваетъ умственные способности англійскаго правительства? Безусловно нѣтъ.

Нѣтъ, есть другая причина, заставляющая его высказываться противъ сближенія съ Англїей или Россїей: въ каждомъ изъ обоихъ этихъ государствъ Германїя встрѣтила

бы одинаково сильнаго партнера, съ которымъ должна была бы договариваться, какъ равный съ равнымъ. Но Наумаина привлекаетъ, въ виду «нашей силы и нашихъ традицій, болѣе высокая цѣль «самимъ стать притягательнымъ пунктомъ».

Это въ другомъ мѣстѣ книги иллюстрируется слѣдующимъ образомъ:

«Собственный путь (для Германской имперіи) возможенъ только совмѣстно съ Австріей. Какъ же обстоитъ дѣло со стороны Австро-Венгріи?»

Всякій, кто попытается серьезно вдуматься въ историческія чувства дуалистической монархіи, безъ сомнѣнія, пойметъ, что тѣсный союзъ съ прусско-германской имперіей будетъ разсматриваться тамъ, какъ, очень серьезный шагъ, ибо онъ безусловно является, при всемъ необходимомъ вниманіи къ ея собственному самоопредѣленію, союзомъ, который въ данныхъ условіяхъ будетъ очень трудно переносить. Скажемъ совершенно откровенно: Австро-Венгрія окончательно подпишется имъ подъ послѣдовавшимъ въ 1866 г. перемѣщеніемъ центра тяжести. Она откажется этимъ еще разъ, какъ и въ старые блестящіе дни, отъ положенія первой господствующей среднеевропейской державы. Союзъ этотъ не приведетъ къ формальной зависимости или ограниченію суверенитета, къ отказу отъ наслѣдственной власти, но все же онъ будетъ фактическимъ признаніемъ существующаго соотношенія силъ... Слѣдуетъ признать, какъ результатъ прошлой исторіи, что, благодаря основанію Бисмаркомъ Имперіи и выдержанному ею испытанію въ міровой войнѣ, создалось положеніе, при которомъ въ Средней Европѣ Германская имперія заняла первое мѣсто изъ двухъ руководящихъ державъ въ отношеніи числа жителей, военной силы и своего единства. Это положеніе имѣется налицо, въ немъ нѣтъ ничего новаго, но, конечно, для Австро-Венгріи не легко рѣшиться дать государственно-правовое признаніе этому фактическому положенію вещей.

Само собой понятно, что Австро-Венгрія испробуетъ всѣ другія средства, прежде чѣмъ рѣшиться на длительный среднеевропейскій союзъ. Объ этомъ уже было сказано, но представляется необходимымъ, при ретроспективномъ взглядѣ на прошлую исторію, еще разъ установить, что Австро-Венгрія сама по себѣ не можетъ существовать, такъ какъ она не въ состояніи выдержать одновременно нападенія на всѣ свои границы, и что у нея нѣтъ болѣе естественнаго союзника, чѣмъ Германская имперія... Еще болѣе безусловнымъ, чѣмъ утвержденіе, что Германія нуждается въ союзѣ съ Австро-Венгріей, является обратное положеніе, что Австро-Венгрія въ своемъ процвѣтаніи и гибели связана одной

цѣпью съ Германской имперіей. Таково положеніе. Стоитъ только нарушить этотъ союзъ, и Балканы ринутся (sic!) на сѣверъ. Стоитъ только нарушить его, и австрійскіе нѣмцы потеряютъ опору внутри дуалистической монархіи. Австро-Венгрія можетъ и должна обезпечить себя при заключеніи союза всякими гарантіями и оговорками, но самому союзу она не смогла бы помѣшать даже въ томъ случаѣ, если бы она этого хотѣла. Таковъ выводъ изъ всей прошлой исторіи, ибо идея Средней Европы возникла прежде всего благодаря *прусскимъ побѣдамъ*, въ особенности 1870 года» (стр. 57, 58).

Съ точки зрѣнія нѣмецкаго имперіализма, взгляды Науманна вполне естественны. Напротивъ того, они не даютъ никакихъ основаній для марксиста стремиться съ меньшей энергіей къ созданію послѣ войны болѣе тѣсныхъ дружественныхъ отношеній съ Англіей или, скажемъ, съ обновленной Россіей, чѣмъ къ созданію Средней Европы.

Нельзя, конечно, отрицать, что между значительной частью населенія Германіи и Австріи существуютъ болѣе тѣсныя отношенія, чѣмъ съ какой-нибудь другой сосѣдней стороной,—отношенія, имѣющія цѣнность и для рабочей демократіи, такъ какъ они вытекаютъ не изъ потребностей великодержавной политики, но являются результатомъ живыхъ сношеній, которымъ прежде всего благопріятствуетъ общность языка.

Представленіе о томъ, что общность расы образуетъ неразрывную связь, есть нелѣпая выдумка школьныхъ учителей и беллетристовъ. Даже тѣсная связь между отцомъ и ребенкомъ опредѣляется отнюдь не кровнымъ родствомъ, но является результатомъ социальныхъ отношеній, ихъ общей жизни въ семьѣ. Гдѣ послѣдняя отсутствуетъ, какъ, напр., у незаконныхъ дѣтей, тамъ и «голосъ крови» умолкаетъ.

Совсѣмъ иначе дѣйствуетъ общность языка, это утонченнѣйшее и наиболѣе дѣйствительное изъ всѣхъ средствъ взаимнаго пониманія, кот. только и дѣлаетъ возможнымъ совместную общественную дѣятельность. Конечно, общность интересовъ и вытекающихъ изъ нихъ историческихъ цѣлей класса, рекрутирующагося изъ группъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ, оказываетъ болѣе глубокое дѣйствіе, чѣмъ общность языка. Но послѣдняя ощущается непосредственнѣе, безъ помощи всякаго размысленія, тогда какъ первая познается только путемъ изученія отношеній, которые не всегда лежатъ ясными, какъ на ладони. Естественно поэтому, что высшее познаніе не должно склоняться передъ примитивнымъ ощущеніемъ, но оно должно принимать его въ расчетъ при взвѣшиваніи соотношенія силъ.

Если рабочая демократія должна стремиться къ преодо-

лѣнію препятствій, которыя выдвигаются различіемъ языка для соглашенія и взаимнаго пониманія народовъ и, въ особенности, пролетаріевъ, то она имѣетъ столько же оснований заботиться, чтобы тѣсныя отношенія, порождаемыя общностью языка, не затруднялись или разрывались вслѣдствіе таможенныхъ границъ, или другихъ разграничительныхъ политическихъ линій.

Вотъ почему и социаль-демократъ можетъ высказываться въ пользу идеи Средней Европы.

Языкъ является средствомъ сношенія населенія Германской Имперіи не только съ 12 милліонами нѣмцевъ въ Австро-Венгріи; нѣмецкимъ языкомъ владѣетъ въ Австріи почти всякій образованный человѣкъ. Онъ является тамъ средствомъ взаимнаго пониманія различныхъ національныхъ группъ. Чехъ, конечно, охотнѣе научается мировому нѣмецкому языку, чѣмъ мѣстному мадярскому нарѣчію, и точно также венгерець предпочитаетъ изученіе нѣмецкаго языка чешскому. Поэтому чехи и венгерцы, по общему правилу, объясняются между собой по нѣмецки. Впрочемъ, въ сношеніяхъ между собой, чтобы не допускать излишняго употребленія нѣмецкаго языка, они предпочитаютъ опубликовать издаваемые ими внѣ родины и предназначенныя для широкихъ круговъ заявленія на французскомъ языкѣ. Но эти одиночныя попытки и демонстраціи не имѣютъ практическаго значенія.

Нѣмецкій языкъ въ значительной степени является въ Австріи средствомъ взаимнаго пониманія не только образованныхъ круговъ, но и торговцевъ, а въ прежнее время онъ былъ таковымъ въ еще большей степени, чѣмъ теперь. Параллельно съ этимъ идетъ огромный обмѣнъ товарами между Австріей и Германіей, въ которомъ, конечно, Австрія, какъ и въ области обмѣна идей, является зависимою стороною.

Въ 1909 г. Австро-Венгрія ввезла въ Германію товаровъ на сумму 750 милліоновъ марокъ, въ 1913 г.— на 830 мил.; Германія въ Австрію въ 1909—на 770 мил., въ 1913 на 1100 милліоновъ. Но вывозъ Австріи въ Германію составлялъ почти *половину* (40, 8%) всего ея вывоза, тогда какъ Германія вывозила въ Австрію только *одну десятую* (10, 9%) всего своего вывоза.

Въ 1911 г. (болѣе позднихъ цифръ у меня нѣтъ) Германія вывезла книгъ на 8 милліоновъ марокъ, а ввезла туда на 20 милліоновъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что книги, пересылаемыя подъ бандеролью, ускользаютъ отъ таможенной статистики. Они увеличиваютъ въ еще большей степени перевѣсъ Германіи.

Въ 1899 г., для котораго у меня случайно имѣются подробныя цифры, весь вывозъ изъ Австріи книгъ составлялъ цѣнность въ 12,7 милліоновъ кронъ, изъ которыхъ 9,6 милліоновъ отправлено было въ Германію. Изъ заграницы ввезено было книгъ на 36,5 милл., изъ нихъ 33,6 милл. приходилось на долю Германіи.

При столь тѣсной экономической и духовной связи мысль о болѣе прочномъ союзѣ между Германіей и Австріей является вполне естественной. И въ самомъ дѣлѣ этотъ союзъ уже имѣлъ однажды мѣсто.

Существовавшій съ 1815 до 1866 г. Германскій Союзъ включалъ, кромѣ областей современной Германіи (за исключеніемъ Эльзасъ-Лотарингіи и нѣкоторыхъ частей Пруссіи), также и земли австрійскаго союза, а именно альпійскія области Австріи, а также Богемію, Моравію и Силезію. Въ 1865 г. онъ насчитывалъ свыше 46 милліоновъ жителей, изъ нихъ болѣе 13 милліоновъ австрійцевъ. Остальныя области Австріи: Галиція, Венгрія, юго-славянскія земли, Ломбардія и Венеція, съ общимъ населеніемъ болѣе 20 милліоновъ, не принадлежали къ Германскому Союзу, но находились съ нимъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ благодаря своей принадлежности къ габсбургской монархіи.

Но и прусское государство не цѣликомъ принадлежало къ Германскому Союзу. Провинціи Познань и Пруссія не входили въ его составъ.

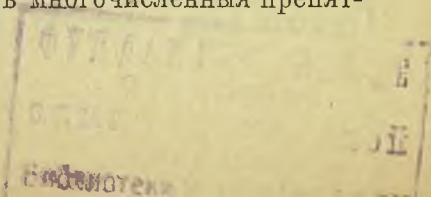
Если разсматривать Германію съ ея нѣмецкими областями Австріи и Пруссіи въ качествѣ Средней Европы, то наибольшее протяженіе она занимала послѣ третьяго раздѣла Польши (1795 г.), когда Пруссія простиралась за Варшаву, и границы Австріи близко подходили къ этой послѣдней. Обѣ они занимали на 100.000 квадратныхъ километровъ польской территоріи болѣе, чѣмъ имъ досталось согласно постановленіямъ вѣнскаго конгресса.

Такимъ образомъ Средняя Европа является не новымъ образованіемъ, но возвращеніемъ къ уже бывшей формѣ. Какъ же случилось, что она въ прошломъ распалась, не смотря на сильныя связи въ области языка и экономическихъ отношеній? Продолжаютъ ли еще существовать условія, отдѣлившія Германію и Австрію другъ отъ друга? Шансы на осуществленіе Средней Европы прежде всего зависятъ отъ отвѣта на эти вопросы.

Если мы будемъ группировать союзы государствъ по способу ихъ возникновенія и прочности, то среди нихъ можно различить двѣ группы: союзы республикъ и монархій.

И первые и вторые встрѣчаютъ многочисленныя препят-

ср 1488

ствія и затрудненія для своего существованія тамъ, гдѣ между отдѣльными государствами существуютъ значительныя противорѣчія. Тамъ, гдѣ таковыхъ не существуетъ, гдѣ преобладаютъ крупныя общіе интересы, республики безъ внѣшняго принужденія могутъ существовать въ видѣ прочнаго союза. Уничтоженіе суверенитета отдѣльнаго государства не представляетъ само по себѣ никакой трудности, если гражданинъ имѣетъ по отношенію къ центральному правительству такія же права, какими онъ обладалъ въ отдѣльномъ государствѣ. Союзъ съ другими государствами не посягаетъ нисколько на его права и на его вліяніе, если, какъ уже сказано, между отдѣльными государствами не существуетъ серьезныхъ экономическихъ противорѣчій. Иной видъ носитъ соединеніе въ единое общее государственное цѣлое монархій. Какъ бы тождественны ни были ихъ экономическіе интересы, нельзя устранить того факта, что государь отдѣльнаго государства, благодаря союзу съ другими государствами, отказывается отъ части своихъ суверенныхъ правъ. На это онъ никогда не рѣшится въ пользу другихъ монарховъ одинаковой съ ними силы. И еще менѣе онъ будетъ склоненъ создавать изъ самостоятельныхъ государствъ новую центральную власть, которая возвысится надъ нимъ самимъ.

Союзъ монархическихъ государствъ бывалъ прочнымъ только тогда, когда одно изъ союзныхъ государствъ настолько превосходило остальные, что его руководство становилось само собой разумѣющимся. Союзъ одинаковыхъ по силѣ монархій, выходящій за предѣлы временнаго соглашенія и ограничивающій суверенныя права отдѣльныхъ монарховъ, достижимъ только въ исключительныхъ случаяхъ и никогда не можетъ быть прочнымъ. Соединенные Штаты Америки были возможны только какъ союзъ республикъ, какъ и союзъ крестьянскихъ и городскихъ общинъ, изъ которыхъ выросла Швейцарская федерація.

На этомъ основаніи социалисты балканскихъ государствъ всегда признавали, что балканская федерація, которая могла бы прочно и добровольно соединить балканскія государства въ крѣпкій и сильный союзъ, возможна только на республиканскомъ фундаментѣ.

Переходъ Германіи отъ феодальной эпохи къ эпохѣ современнаго государства, благодаря своеобразнымъ условіямъ, совершался не въ той формѣ, какъ въ западныхъ государствахъ. Въ то время, какъ въ послѣднихъ сильная центральная государственная власть получила возможность вполне подчинить себѣ высшее и низшее дворянство, въ Германіи рядъ дворянскихъ родовъ самъ превратился въ

предѣлахъ своихъ областей, въ абсолютныхъ властителей, которые предоставили императору лишь очень незначительную верховную власть. Этой верховной властью онъ обязанъ былъ тому обстоятельству, что онъ былъ лишь наиболѣе сильнымъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей, сильнымъ, конечно, въ значительной степени вслѣдствіе своихъ расположенныхъ внѣ Имперіи владѣній, которыя требовали затраты на себя значительныхъ средствъ Имперіи, ничего ей не принося въ обмѣнъ.

Императорская власть свелась къ полному нулю, когда рядомъ съ императорскимъ домомъ Габсбурговъ возникла династія Гогенцоллерновъ, обнаружившая достаточно силы для противодѣйствія ему. Несмотря на это, Австрія, по величинѣ площади и количеству населенія, оставалась преобладающей державой въ Имперіи, даже, если принимать въ расчетъ одни только имперскія области. Послѣднія охватывали въ 1786 г. 3976 кв. миль съ почти 11 милл. жителей, тогда какъ имперскія области Пруссіи занимали всего 2180 кв. миль съ 4 мил. жителей. Вслѣдъ за Пруссіей наиболѣе сильнымъ государствомъ въ Имперіи была Баварія съ площадью въ 1064 кв. миль и 2 милл. жителей. Но маленькая Пруссія сумѣла перерости не только одну Австрію, но и цѣлую коалицію.

По мѣрѣ усиленія Пруссіи, въ Имперіи власть императора уменьшалась и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣвала сама Имперія.

При такомъ положеніи вещей во время національнаго движенія, возникшаго въ 19 столѣтіи и стремившагося создать сильную объединенную Германію, образовались три направленія, каждое изъ которыхъ старалось по своему разрѣшить проблему. Дальше всѣхъ шли тѣ демократы, которые хотѣли сохранить Германію во всемъ ея объемѣ и пытались разрѣшить затрудненія, стоявшія на пути къ ея объединенію, путемъ превращенія ея въ республику. Къ этому стремились какъ Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, такъ и Бебель и Либкнехтъ.

Буржуазные элементы, не желавшіе ничего слышать о республикѣ, но находившіе невыносимымъ существовавшее положеніе вещей, видѣли разрѣшеніе вопроса въ томъ, что на мѣсто двухъ соперничающихъ въ Имперіи великихъ державъ должна быть поставлена одна, стоящая выше всякаго соперничества; другая, слѣдовательно, должна была быть вытѣснена изъ предѣловъ Имперіи. Они, конечно, стояли при этомъ за уменьшеніе размѣровъ Имперіи и потому назывались малогерманцами. Но они старались избѣгнуть революціи и вслѣдствіе этого могли пріобрѣсти поддержку одной, ими избранной, великой державы—Пруссіи, поскольку послѣдняя получила руководителя, способнаго преодолѣть

легитимистскія сомнѣнія. Такой человекъ нашелся въ лицѣ Бисмарка.

Наконецъ, третье направленіе—монархическіе великогерманцы,—желавшіе въ сущности остаться при старомъ и думавшіе смягчить нѣкоторыми мелкими реформами непреодолимыя противорѣчія, было представлено частью непреходимыми консерваторами, частью ограниченными фантазерами.

Такъ какъ силы для завоеванія республики отсутствовали, то малогерманское разрѣшеніе вопроса стало дѣйствительностью.

Что же измѣнилось съ тѣхъ поръ, что дѣлаетъ возможнымъ вернуть обратно происшедшее въ 1866 г.? Чѣмъ отличается Средняя Европа Науманна и его друзей отъ идеала монархическихъ великогерманцевъ полъ вѣка назадъ? Только тѣмъ, что понятіе о ней стало еще болѣе неопредѣленнымъ и что условія для ея осуществленія еще болѣе неблагоприятны. Ибо Австрія въ настоящее время еще менѣе нѣмецкое государство, чѣмъ она была даже въ 1866 г.

Политикою незамѣтнаго выдалбливанія, т.-е. откладыванія въ долгій ящикъ, не смягчаются притязанія и противорѣчія, коренящаяся въ природѣ вещей.

Науманнъ самъ подозрѣваетъ, что онъ вступаетъ здѣсь на очень непрочную почву и взываетъ къ своимъ друзьямъ: «осторожно, осторожно, безъ шума», какъ будто затрудненіе перестаетъ существовать, если о немъ не говорить. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

«Объ отношеніи короны и высшихъ военныхъ властей къ идеѣ Средней Европы мы здѣсь намѣренно не говоримъ, потому что это выходитъ за предѣлы нашей компетенціи и можетъ быть было бы болѣе вредно, чѣмъ полезно» (стр. 21).

Характерны также такія его замѣчанія:

«Средняя Европа будетъ, конечно, не подаркомъ государей, но результатомъ воли народа. Государи, какъ это бываетъ почти всегда, съ большей или меньшей радостью примутъ участіе въ ея созданіи, но имъ самимъ не легко будетъ перепрыгнуть черезъ съ трудомъ установленныя границы монархическихъ тѣлъ, если народы не начнутъ могущественно волноваться» (стр. 230).

«Если бы Средняя Европа была республикой, многое вѣроятно могло бы быть иначе; но достаточно это сказать, чтобы поняты неисторичность самой постановки вопроса» (стр. 260).

Но столь же «неисторичной», говоря словами Науманна, какъ и Среднеевропейская республика, является и Средняя Европа, т. к. она неосуществима при данныхъ историче-

скихъ условіяхъ. Всякая попытка выйти за предѣлы уже существующаго Союза, о которой въ данный моментъ не возникаетъ вопроса, для образованія болѣе тѣснаго союза двухъ великихъ центральныхъ державъ, должна натолкнуться на растущее противодѣйствіе не только наше, но и тѣхъ именно факторовъ, на которые рассчитываетъ Науманнъ.

Шансы осуществленія Средней Европы не увеличатся, если предпринять изслѣдованіе теоретическихъ предпосылокъ, на которыхъ строится ея необходимость.

3. Наднаціональное крупное государство въ теоріи.

Для марксиста очень отрадно видѣть, что въ настоящее время каждый политикъ старается обосновать свои цѣли, исходя изъ экономической необходимости. Менѣе отраденъ, конечно, способъ, какимъ по большей части это обоснованіе дѣлается.

Согласно Марксу, всякая идея, господствующая въ какой либо исторической періодъ, характеризуемой ею, въ *конечномъ счетѣ* можетъ быть сведена къ особымъ экономическимъ отношеніямъ. Въ настоящее время слишкомъ часто забываютъ объ этомъ «въ конечномъ счетѣ», и всякая идея, даже всякая политическая идея, безъ всякихъ промежуточныхъ звеньевъ, выводится непосредственно изъ экономическихъ отношеній и, сверхъ того, за «экономическія отношенія» принимаются только явленія, лежація на поверхности, а не ихъ глубокіе корни.

Было бы чудомъ, если бы Науманнъ разсуждалъ иначе.

Ему представляется, что размѣры Германіи есть та экономическая необходимость, которая приведетъ къ тому, что она станетъ центромъ гигантскаго государства—Средней Европы,—разъ только крупное производство стало господствующимъ.

«Духъ крупнаго производства и надгосударственной политики опредѣляютъ политику» (стр. 4).

«Всюду мы наталкиваемся на стремленіе къ обособленію вступающихъ между собой въ союзъ государственныхъ организмовъ все болѣе крупныхъ размѣровъ. Чѣмъ болѣе регулируется міровое хозяйство, тѣмъ меньше можетъ развиваться самостоятельно народъ, имѣющій только 70 милліоновъ жителей, ибо, будучи изолированъ, онъ будетъ заглушенъ возгласами: Англія—Англичанамъ, Америка—Американцамъ, Россія—Русскимъ! Всѣ крупные государственные организмы стараются заботиться только о самихъ себѣ въ предѣлахъ мірового хозяйства» (стр. 177).

Вотъ почему время національнаго государства миновало и наступаетъ эпоха наднаціональнаго государства.

Въ отстаиваніи этой точки зрѣнія Науманнъ не одинокъ. Даже въ нашей партіи ее раздѣляетъ значительное число лицъ и при томъ какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ флангѣ. Въ своей книгѣ «Национальное государство и т. д.» я указывалъ уже на нѣкоторыя проблемы, вытекающія изъ этой точки зрѣнія. Съ тѣхъ поръ особенно подробно выступилъ на ея защиту К. Реннеръ.

Характерна также въ этомъ отношеніи статья въ вѣн-ской «Arbeiter Zeitung» отъ 21 ноября, озаглавленная: «Государства умираютъ, народы безсмертны», въ которой гибель Сербіи объясняется прежде всего съ точки зрѣнія «отрицанія принципа національности и его исторической роли».

Национальное государство превзойдено де экономическимъ развитіемъ.

«Масштабъ и средства государственности въ настоящее время безконечно выросли..... Фабрика косъ тогда (1809 г.) считалась значительной, если имѣла покупателями крестьянъ половины коронныхъ земель; современное же желѣзодѣлательное предпріятіе для того, чтобы осуществить техническую специализацію, нуждается въ хозяйственной области цѣлаго большого государства. Промышленность, такъ сказать, американизировала все, и вся Европа, кромѣ Россіи, вмѣстѣ со всѣми своими «крупными государствами», съ удобствомъ могла бы умѣститься въ рамкахъ Соединенныхъ Штатовъ. Масштабъ и средства современныхъ государствъ выходятъ далеко за предѣлы сферъ поселенія мелкихъ національностей, такъ какъ и для самыхъ большихъ изъ нихъ становятся тѣсными ихъ границы. Суверенитетъ мелкихъ государствъ имѣетъ противъ себя время!

Это печальное признаніе вытекаетъ изъ опыта войны. Въ конечномъ счетѣ указанная экономическія измѣненія являются истинной причиною ужасной судьбы трехъ народовъ — Бельгій, Сербіи и Польши, какъ ни различна она въ деталяхъ... Печальный жребій быть въ настоящее время маленькимъ народомъ или маленькимъ государствомъ,—печальный жребій, даже если бы это государство было пощажено войной, о чемъ краснорѣчиво говоритъ примѣръ страданій Швейцаріи».

Новымъ въ этихъ взглядахъ является, конечно, не наблюденіе, что болѣе слабый народъ страдаетъ, когда онъ вступаетъ въ конфликтъ съ болѣе сильнымъ. Въ этомъ смыслѣ не только «въ настоящее время печальный жребій быть маленькимъ государствомъ». Съ одинаковымъ правомъ какъ на судьбу Сербіи по отношенію къ Австріи, можно было бы указать на судьбу Израиля по отношенію къ Ассиріи въ 8-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Въ этомъ смыслѣ исторія уже

2—3 тысячи лѣтъ тому назадъ давала аргументы противъ принципа національности.

Новымъ, напротивъ, является ссылка на экономическое развитіе, которое требуетъ постояннаго роста размѣровъ государства, непрерывно расширяя хозяйственную область.

Хотя безспорно, что характеръ и размѣры государства зависятъ отъ экономическихъ условій, но эта зависимость выражается не въ томъ непосредственномъ и простомъ фактѣ, что ростъ сношеній и техническихъ вспомогательныхъ средствъ требуетъ также постояннаго увеличенія размѣровъ государства, потому что «масштабъ и средства государственности» выросли.

Хозяйственная область и государственная область вовсе не развиваются параллельно. Что понимаемъ мы подъ хозяйственной областью? Область, которая въ экономическомъ отношеніи удовлетворяется собственными силами, которая имѣетъ собственный процессъ производства. Въ этомъ смыслѣ средневѣковое феодальное помѣстье или марку можно считать хозяйственной областью. Но нигдѣ государство не ограничивается исключительно одною подобною областью, оно всегда разсчитываетъ также на взаимодействіе многихъ областей.

Хозяйственная область увеличивается благодаря обмѣну товаровъ. Различныя, до того самостоятельно удовлетворяющіяся, области переходятъ къ тому, что начинаютъ обмѣниваться между собой своими излишками. Это происходитъ не тамъ, гдѣ онѣ производятъ одинаковые, а лишь тамъ, гдѣ онѣ производятъ различные продукты. Первоначально послѣднее имѣетъ мѣсто только тогда, когда производство совершается при различныхъ природныхъ, климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ. Обмѣнъ поэтому сперва происходитъ не между сосѣдями, но между жителями областей, далеко лежащихъ другъ отъ друга, между различными государствами. Если разсматривать всѣ области, работающія другъ для друга путемъ обмѣна товаровъ, какъ одну хозяйственную область, то послѣдняя уже на первыхъ стадіяхъ развитія обмѣна включала въ себя нѣсколько государствъ.

Поэтому территорія государства никогда не совпадаетъ съ хозяйственной областью. Она или больше, или меньше послѣдней. Нѣтъ ничего ошибочнѣе представленія, будто обмѣнъ товаровъ происходитъ сперва внутри государства и переходитъ его границы только на высшей ступени, при помощи внѣшней торговли, будто внутренній рынокъ образуется раньше внѣшняго. Торговля прежде всего есть міровая торговля, если подъ міромъ понимать не весь земной шаръ, а всю извѣстную и доступную для торговцевъ часть

земного шара. Въ буквальный смыслъ слова мы и въ настоящее время не имѣемъ еще полной міровой торговли, такъ какъ все еще существуютъ земли, которыя не открыты для нея—въ глубинѣ Бразиліи, Африки и Китая.

Съ ростомъ средствъ сообщенія увеличиваются размѣры доступнаго торговлѣ міра, и она измѣняетъ свой характеръ, все больше превращаясь въ обмѣнъ продуктовъ массоваго потребленія. Если въ своихъ зачаткахъ она служить преимущественно роскоши, обогащенію и украшенію жизни, то, благодаря развитію средствъ сообщенія, которыя развились въ вѣкъ капитализма, она превращается въ необходимое условіе процесса производства, а тѣмъ самымъ и самой жизни. Это, конечно, оказываетъ обратное дѣйствіе на государство, но не вліяетъ еще въ томъ направленіи, чтобы маленькое государство экономически теряло свою способность къ существованію или чтобы большое государство безусловно превосходило его въ этомъ отношеніи. Бельгія и Швейцарія, несмотря на свои небольшіе размѣры, развили значительную промышленность, и никто не будетъ утверждать, что огромная Россія въ этомъ отношеніи опередила ихъ.

Это не значитъ, что размѣры государства не оказываютъ вліянія на его экономическую жизнь. Торговая политика маленькаго государства должна быть осторожнѣе, чѣмъ политика большаго государства. Гигантское государство, какъ, напр., Россія или Соединенные Штаты, могутъ себѣ позволить, безъ серьезнаго экономическаго ущерба политику высокихъ покровительственныхъ пошлинъ, которыя погубили бы маленькое государство, въ родѣ Бельгіи. Съ другой стороны, значительный внутренній рынокъ для капиталистической крупной промышленности, при прочихъ равныхъ условіяхъ, безусловно представляетъ гораздо болѣе благоприятную почву, чѣмъ ограниченный внутренній рынокъ. Это можетъ въ уже существующемъ государствѣ національностей служить сильнымъ мотивомъ для класса капиталистовъ одной изъ небольшихъ націй, промышленность которой уже приспособилась къ большому внутреннему рынку, для противо-дѣйствія стремленію къ государственной самостоятельности собственной націи. Но это не порождаетъ аналогичнаго стремленія у класса капиталистовъ уже существующаго національнаго государства, промышленность котораго работаетъ на свой внутренній рынокъ. Хотя и онъ стремится къ расширенію внутренняго рынка и, слѣдовательно, къ увеличенію территоріи государства, но онъ старается достигнуть этого не соединеніемъ съ какимъ-нибудь другимъ капиталистическимъ государствомъ, и меньше всего въ ка-

чествъ маленькаго государства стремится присоединиться къ большому. Въ данномъ случаѣ намъ приходится разсматривать только эту форму расширенія территоріи государства, поскольку мы говоримъ объ экономическихъ тенденціяхъ, будто бы требующихъ созданія средней Европы.

Преимущества внутренняго рынка для капиталистическаго класса какого-нибудь государства состоятъ въ обладаніи имъ всѣми средствами, даваемыми законодательствомъ и управленіемъ, которыя въ современномъ государствѣ приобрѣтаютъ все растущее значеніе для развитія его промышленности. Эти средства, конечно, значительное въ крупномъ государствѣ, чѣмъ въ маленькомъ, но для капиталистическаго класса важно не только то, чтобы таковыя средства имѣлись налицо, но и то, чтобы они находились въ его рукахъ. Посредствомъ присоединенія маленькаго государства къ большому, капиталистическій классъ перваго теряетъ это господство и потому не желаетъ и слышать о такомъ присоединеніи. Несмотря на несовершенство маленькаго внутренняго рынка, для него этотъ маленькій рынокъ, на которомъ онъ всецѣло господствуетъ, выгоднѣе большаго, на которомъ господствуютъ его конкуренты. Вхожденіе маленькаго государства въ большое означаетъ для перваго не увеличеніе, а отказъ отъ своего внутренняго рынка. Капиталисты маленькаго государства предпочитаютъ свободу торговли, которая не затрагиваетъ ихъ политическаго господства на внутреннемъ рынкѣ, растворенію въ союзѣ государствъ, который кладетъ конецъ ихъ исключительному политическому господству на внутреннемъ рынкѣ. Поскольку Англія остается аванпостомъ свободной торговли, постольку небольшія европейскія государства будутъ тяготѣть скорѣе къ Англіи, чѣмъ къ средней Европѣ. Экономическое развитіе отнюдь не толкаетъ ихъ къ растворенію въ «наднаціональномъ государствѣ».

Конечно, можетъ случиться, что то или другое изъ маленькихъ государствъ Европы потеряетъ способность къ существованію. Но отъ этого не застрахованы и крупныя государства, въ особенности, если они являются государствами національностей.

Впрочемъ, мы не подвергаемъ здѣсь анализу особія условия существованія отдѣльныхъ государствъ; мы оспариваемъ только мнимый законъ, будто капиталистическій способъ производства въ силу экономическихъ причинъ также лишаетъ способности къ существованію маленькія государства въ политикѣ, какъ и мелкое производство въ области промышленности. При разсмотрѣніи этого вопроса всегда незамѣтно военная точка зрѣнія подставляется на

мѣсто экономической. Не экономическое развитие мирнаго времени, но военный опытъ войны выдвигается противъ маленькихъ государствъ.

Я не буду останавливаться на томъ, какъ это обнаруживается у Науманна. Здѣсь слѣдуетъ только дать оцѣнку мнѣніямъ нашего друга въ «Arbeiter Zeitung». Онъ полагаетъ, что война показала, какая печальная участь быть маленькимъ государствомъ, даже если оно остается пощаженнымъ войной, какъ Швейцарія. Несомнѣнно, такое государство страдаетъ отъ войны. Тѣмъ не менѣе, повидимому, швейцарцы, датчане или голландцы совсѣмъ не страдаютъ отъ того, что имъ удалось уберечь свои маленькія государства отъ искушенія быть втянутыми въ войну крупными государствами. Намъ, конечно, укажутъ на «страшную судьбу трехъ народовъ—судьбу Бельгій, Сербіи и Польши. Намъ непонятно, почему въ этой связи названы поляки, ибо цензура вычеркнула слѣдующій абзацъ статьи. Само по себѣ неясно, почему поляки должны показать своимъ примѣромъ несчастную участь маленькихъ государствъ. До своего раздѣленія Польша была государствомъ почти такой же величины, какъ и тогдашняя Австрія и Пруссія, вмѣстѣ взятыя. Итакъ, она погибла не вслѣдствіе своихъ небольшихъ размѣровъ. Съ тѣхъ поръ Польша принадлежала тремъ большимъ государствамъ, слѣдовательно, и ихъ послѣдующая печальная судьба не можетъ быть выведена изъ незначительной величины Польши.

А судьба Сербіи въ настоящей войнѣ? Развѣ за ней не стояла охрана четырехъ великихъ державъ, притомъ двухъ «наднаціональныхъ», которыя такъ интересуютъ Науманна—Россіи и Англій. Слѣдовательно, и союзъ съ великими державами не всегда предохраняетъ отъ несчастія.

Несчастье Бельгій, Сербіи и Польши вызвано не ихъ небольшими размѣрами, а ихъ *географическимъ положеніемъ*. Области, расположенныя у границъ воюющихъ государствъ, и благодаря этому становящіяся театромъ военныхъ дѣйствій, всегда сильно страдаютъ, будь то мелкія государства, расположенныя въ качествѣ государствъ—буферовъ между крупными государствами, или провинціи послѣднихъ. Страдаютъ или пострадали отъ войны не только небольшія государства, въ родѣ Бельгій или Сербіи, но и сѣверъ большого государства Франціи, нѣмецкая восточная Пруссія, австрійская Галиція, какъ и русская Польша.

Конечно, «масштабъ и средства государственности въ настоящее время неизмѣримо выросли». Но это означаетъ для военнаго времени, что и величайшее государство въ военномъ отношеніи не можетъ справиться собственными

силами, что всякая война неминуемо ведетъ къ раздѣленію всего міра на два враждебные лагеря, при чемъ «наднаціональное» государство такъ же толкается на путь политики союзовъ, какъ и національное.

Науманнъ и его друзья рассматриваютъ Среднюю Европу въ значительной степени съ точки зрѣнія будущей войны. Если міру суждено еще разъ пережить ея опустошенія, то не невѣроятно, что въ борьбу будутъ втянуты также Америка и Китай. Тогда придется считаться съ мировыми союзами, противъ которыхъ Средняя Европа сама по себѣ окажется слишкомъ недостаточной. Нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ стремленіи стать притягательнымъ пунктомъ для Средней Европы, пренебrecь добрыми отношеніями со всѣмъ остальнымъ міромъ.

Въ случаѣ войны ни одно государство не можетъ обойтись безъ политики союзовъ. Но ничто не доказываетъ, что такая политика можетъ послѣдовательнѣе и успѣшнѣе вестись государствомъ національностей или наднаціональнымъ государствомъ, чѣмъ національнымъ. Само собой разумѣется, что маленькое государство въ политикѣ союзовъ, какъ и въ торговой политикѣ, не всегда можетъ дѣйствовать съ такимъ успѣхомъ, какъ большое. Но это еще далеко не служитъ доказательствомъ того, что стадія національнаго государства является пережитой, или что оно неспособно къ существованію.

При обсужденіи этого вопроса у сторонниковъ наднаціональнаго государства удивительно переплетаются военныя, экономическія и политическія соображенія. Науманнъ предвидитъ Германію, «въ своей изолированности заглушаемую возгласами: Англія—англичанамъ, Америка—американцамъ, Россія—русскимъ» (стр. 177).

Что за поразительный слухъ! Возгласъ, что страна принадлежитъ народу, который ее населяетъ, является призывомъ къ освобожденію отъ чужеземнаго ига, требованіемъ политической самостоятельности, защитой отъ всякаго иностраннаго вмѣшательства. Таковъ, на примѣръ, призывъ: Восточная Азія—восточно-азиатскимъ народамъ, Балканы—балканскимъ народамъ.

Но какой смыслъ имѣлъ бы этотъ призывъ въ Англіи, Америкѣ или Россіи? Русскій народъ, правда, страдалъ до сихъ поръ, но не отъ чужеземцевъ. Чтобы придать смыслъ этому лозунгу, Науманнъ незамѣтно превращаетъ его изъ политическаго въ экономическій. Но развѣ существуютъ гдѣ-нибудь въ настоящее время государственныя образованія, какъ бы ни были они велики, которыя могли бы обойтись собственными силами въ экономическомъ отношеніи?

Науманнъ самъ вынужденъ признать, что мы «всегда сможемъ продавать продукты нашего труда на англійско-русско-американскомъ мировомъ рынкѣ». Но онъ опасается, что сильная Англія и послѣ войны «будетъ питать свои мысли объ изморѣ голодомъ». И «мы не сможемъ ничего сдѣлать противъ ея таможенной политики, торговых стѣсненій, ограниченій ввоза, металлургическихъ монополій, хлопчатобумажнаго треста, противъ ея колониальнаго и мирового господства»; поэтому «въ нашу хозяйственную эпоху чисто національная идея самостоятельности не можетъ служить утѣшительной программой для нашихъ дѣтей и ихъ потомковъ». «Кто не усиливается, тотъ проигрываетъ; поэтому мы должны имѣть въ виду средневропейскій хозяйствующій народъ» (стр. 177).

Здѣсь въ одну кучу смѣшивается торговая политика Россіи и Америки съ торговой политикой Англіи; воедино соединяются свободная торговля и запретительная политика. Конечно, слѣдуетъ считаться съ возможностью, что таможенная политика Англіи послѣ войны измѣнится. Но Науманнъ имѣетъ здѣсь въ виду не переходъ отъ свободной торговли къ охранительнымъ пошлинамъ, но лишь, въ частности, тяжелыя условія для нѣмецкаго ввоза.

Но почему же послѣднія должны наступить? Этимъ Англія сама нанесла бы себѣ ударъ. Ея торговля съ Германіей значительнѣе, чѣмъ съ какимъ бы то ни было другимъ государствомъ въ мірѣ. Въ 1913 году она вывозила товаровъ изъ Германіи на сумму 80 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и ввозила туда на сумму 60 милліоновъ; не считая при этомъ ея торговли съ Бельгіей и Голландіей, которая также въ большой степени служитъ торговлѣ съ Германіей.

И Англія собирается нарушить столь развитую торговлю? Неужели послѣ войны, когда кровь будетъ сочтена изъ тысячъ ранъ и на лицо будутъ безчисленныя нарушенія торговли, какъ результатъ войны, она будетъ еще искусственно увеличивать число этихъ нарушеній? И неужели русскіе и американскіе сельскіе хозяева заинтересованы въ стѣсненіи конкуренціи между нѣмецкими и англійскими промышленниками въ Россіи и Америкѣ и въ предоставленіи англійской промышленности монопольнаго положенія на русскомъ и американскомъ рынкѣ?

Нѣмецкая торговая политика и безъ того должна послѣ войны испытать неудачи; ей придется натолкнуться за границей на стѣсненія въ области торговли и на ограниченія которыя будутъ спеціально направлены противъ нѣмецкаго ввоза. Но созданіе Средней Европы отъ этого ни-

сколько не предохранить, скорѣе оно явится наилучшимъ средствомъ вызвать такія стѣсненія и ограниченія. Ибо, какъ правильно признаетъ самъ Науманнъ, Средняя Европа возникнетъ послѣ войны не только какъ крупный государственный организмъ, не просто какъ таможенный союзъ, но прежде всего какъ соглашеніе между Германіей и Австріей о проведеніи въ жизнь общаго таможеннаго тарифа съ сохраненіемъ внутренней таможенной линіи между обѣими странами, но съ болѣе умѣренными пошлинами. Или же она можетъ быть создана путемъ соглашенія о взаимномъ благопріятствованіи. Последнее возможно только посредствомъ нарушенія принципа наибольшаго благопріятствованія, что предполагаетъ, что другія государства, имѣвшія до сихъ поръ съ Германіей торговые договоры на основѣ наибольшаго благопріятствованія, откажутся отъ него, такъ что Германія купитъ свое преимущественное положеніе въ Австріи цѣною потерь въ другихъ странахъ.

Вотъ все, что можно сказать объ угрожающихъ намъ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ ввоза. Кромѣ того, говорятъ, что если мы не создадимъ Средней Европы, намъ будетъ угрожать взятіе изморомъ при помощи иностранныхъ картелей и трестовъ.

Науманнъ очень опасается трестовъ, но только заграничныхъ. Собственные тресты служатъ для него оплотомъ. Созданія Средней Европы онъ прежде всего ожидаетъ отъ предстоящаго соглашенія между нѣмецкими и австрійскими картелями.

«Въ центрѣ картельныхъ договоровъ долженъ стоять среднеевропейскій желѣзодѣлательный синдикатъ, который, при содѣйствіи правительствъ, путемъ подраздѣленія рынка на районы, гарантировалъ бы австрійскимъ и венгерскимъ желѣзодѣлательнымъ промышленникамъ сохраненіе всѣхъ выгодъ и преимуществъ, доставлявшихся имъ раньше пошлинами и государственной поддержкой... Разъ подобная цѣль была бы достигнута въ центральной области—производствѣ желѣза—данная схема съ нѣкоторыми неизбѣжными измѣненіями, безъ особаго труда, могла бы быть примѣнена и къ другимъ, поддающимся синдицированію, отраслямъ индустрии. Такимъ образомъ шагъ за шагомъ уменьшалось бы число производствъ, нуждающихся въ таможенномъ барьерѣ между Германіей и Австро-Венгріей. Для объединенныхъ же синдикатовъ съ точно рассчитанными сферами вліянія на внутреннемъ рынкѣ — *при наличности гарантированныхъ государствомъ штрафовъ за нарушеніе договоровъ и статутовъ*—необходимо было бы только одно: общая таможенная линія по отношенію къ внѣшнему міру» (стр. 224—225).

Какъ видите, Средняя Европа должна явиться Эльдorado для картелей и трестовъ, для которыхъ необходима государственная помощь всѣми средствами. Напротивъ того, заграничные тресты,—этотъ ужасъ изъ ужасовъ,—грозятъ взять насъ изморомъ при помощи своихъ продуктовъ.

Да, именно этого опасается съ ихъ стороны Науманнъ, хотя уже давно воробы со всѣхъ крышъ кричатъ о томъ, что картели и тресты отнюдь не годятся для цѣли взятія изморомъ заграницы. Они ограничиваютъ производство для внутренняго рынка, чтобы взвинчивать тамъ цѣны, и одновременно стараются использовать техническія преимущества крупнаго производства для того, чтобы производить для гораздо болѣе широкаго рынка, чѣмъ твердо установленный внутренній рынокъ, и сбывать излишекъ за границу, за безцѣнокъ.

Такимъ образомъ картели во время мира руководятся политикой, прямо противоположной политикѣ измора: они стремятся взять изморомъ собственную страну и забросать противника обильнымъ подвозомъ.

Правда, существуютъ картели или тресты, не слѣдующіе этой политикѣ. Ихъ, очевидно, Науманнъ и имѣетъ въ виду. Это тѣ картели, монополія которыхъ, въ силу естественныхъ причинъ, столь велика, что они могутъ обойтись безъ покровительства государства и въ состояніи заполнить своимъ продуктомъ не только рынокъ собственной страны, но и міровой рынокъ. Подобныя предпріятія могутъ, конечно, примѣнить свою политику измора ко всему міру. Но они могутъ это дѣлать только постольку и только въ той мѣрѣ, въ какой ихъ монополія имѣетъ естественный характеръ. Противъ такой монополіи не можетъ предохранить никакой таможенный тарифъ, никакая Средняя Европа. Науманнъ указываетъ на опасность хлопчатобумажнаго треста. Въ самомъ дѣлѣ, что въ состояніи была бы сдѣлать Средняя Европа, если бы хлопчатобумажнымъ производителемъ всего міра удалось объединиться въ общій союзъ?

Впрочемъ, Науманнъ провидитъ Среднюю Европу еще большихъ размѣровъ, выходящую за предѣлы германско-австрійскаго таможеннаго союза, которая, между прочимъ, включить въ себя и Голландію съ ея колоніями. Но чтобы производить хлопокъ, недостаточно обладать тропической страной. Не всякая такая страна производитъ собственный хлопокъ. До сихъ поръ не удавалось сколько-нибудь замѣтно уменьшить въ этомъ отношеніи преобладаніе Америки.

Жатва хлопка въ 1000 тюкахъ была:

Среднее въ годъ.	Соедин. Штаты.	Ость- Индія.	Еги- петъ.	Остальн. областн ¹⁾ .
Въ 1902—1906	11.742	4.542	826	2.616
» 1907—1912	13.061	4.649	911	4.267
Увеличеніе . . .	1.319	107	85	1.651

Участіе Соединенныхъ Штатовъ въ міровомъ производствѣ въ 1902 году уменьшилось съ 59 до 56%.

Хотя Англія обладаетъ послѣ Соединенныхъ Штатовъ самыми крупными областями, которыя производятъ хлопокъ, ея текстильная промышленность въ весьма значительной степени пострадала бы отъ американскаго хлопчатобумажнаго треста. Она поглощала въ 1912/13 гг. 3.825.000 тюковъ хлопка, изъ нихъ 3.281.569 изъ Соед. Штатовъ. Какимъ же образомъ созданіе Средней Европы было бы въ состояніи сдѣлать Германскую Имперію независимой отъ американскаго хлопчатобумажнаго треста?

Съ другой стороны, англійская колонія Ость-Индія производитъ хлопокъ не для англійской промышленности, но для конкурентовъ Англій. Въ 1912/13 гг. изъ мірового производства хлопка — ость-индскаго потреблялось 3.394.000 тюковъ. Изъ нихъ только 48.000 въ Англій, напротивъ того, 175.000 въ Германіи и 988.000 въ Японіи, наконецъ, 1.623.000 въ самой Ость-Индіи. Промышленность выбираетъ себѣ сырой матеріалъ, руководясь его близостью, а не происхожденіемъ.

Но даже если можно питать увѣренность въ томъ, что Германія, посредствомъ созданія Средней Европы съ соответствующимъ колониальнымъ придаткомъ въ отношеніи хлопка или керосина, станетъ вполне независимой отъ иностранныхъ источниковъ доставки, то гдѣ гарантія, что тогда не образуется среднеевропейскій хлопчатобумажный или керосиновый трестъ, который будетъ брать изморомъ Среднюю Европу? Для насъ можетъ быть и болѣе утѣнительно подвергаться измору со стороны среднеевропейскаго треста, чѣмъ американскаго, но въ техническомъ или физическомъ отношеніи это не составляетъ разницы.

Тресты, конечно, представляютъ опасность. Но тресты собственной страны являются для нея самой еще большею опасностью, чѣмъ иностранные. И созданіе области съ общимъ таможеннымъ тарифомъ, посредствомъ слиянія или укрѣпленія трестовъ или подобныхъ предпринимательскихъ организацій, является самымъ неподходящимъ путемъ для избѣжанія этой опасности. Поскольку въ настоящей фазѣ

¹⁾ Бразилія, Китай, Россія и др.

капитализма возможно избѣжать опасностей господства трестовъ, это скорѣе всего можетъ быть достигнуто при режимѣ свободной торговли. Средняя Европа, долженствующая служить средствомъ для укрѣпленія системы охранительныхъ пошлинъ, нисколько не избѣгаетъ, но только увеличиваетъ опасность измора со стороны трестовъ.

Съ какой бы стороны ни разсматривать теоретическое обоснованіе Средней Европы, оно не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

И при этомъ оно стремится объяснить и оправдать тенденцію, которая вовсе не существуетъ. Ибо мнимый фактъ, что экономическое развитіе стремится къ созданію интернаціональныхъ рамокъ и замѣнѣ національныхъ государствъ «четырьмя крупными міровыми интернаціоналами» (Реннеръ), въ дѣйствительности вовсе не существуетъ.

4. Крупное наднаціональное государство на практикѣ.

а) Англосаксонскія государства.

Ходъ развитія государствъ представляется Науманну такимъ образомъ, что государство національностей преодолевается крупнымъ наднаціональнымъ государствомъ. Три такихъ государства уже будто бы образовались: Соединенные Штаты, Британская мировая имперія и Россія. Четвертымъ должна стать «Средняя Европа» (стр. 167).

«Каждое изъ трехъ старыхъ крупныхъ государствъ является внутри интернаціональнымъ. Въ нихъ осуществились на практикѣ тѣ стороны идеи интернаціонализма, какія могутъ быть реализованы въ современную эпоху».

Въ подобномъ же смыслѣ высказывается и Реннеръ:

«Экономическія отношенія, общественныя производительныя силы переросли не только старые небольшие государственные организмы, но и крупныя государства національностей. Мировое хозяйство требуетъ и мирового государства».

Немного выше онъ говоритъ:

«Тотъ имперіализмъ, который практически создаетъ государства національностей, международныя имперіи, порождаетъ и четыре мировыхъ интернаціонала, практически осуществляя международность, пока, конечно, въ формѣ господства какой-либо одной націи надъ многими подвластными ей народами. Не поразительно ли это совпаденіе»¹⁾.

И въ самомъ дѣлѣ поразительно это совпаденіе взглядовъ Реннера и Науманна, усматривающихъ въ «наднаціональномъ мировомъ государствѣ» «практическое осуществленіе интернаціонализма».

Этотъ ихъ взглядъ дѣлается возможнымъ только потому, что оба они не видятъ никакой разницы между государ-

¹⁾ „Война и блужданія національной мысли“, „Der Kampf“ 1915, 1 янв., стр. 23.

ствомъ національностей и колониальнымъ государствомъ. На самомъ же дѣлѣ эти виды государствъ не имѣютъ между собой ничего общаго. Что каждое изъ современныхъ крупныхъ государствъ стремится приобрести колоніи,—это конечно, общезвѣстный фактъ, но отсюда отнюдь не вытекаетъ основаніе «четвертаго мірового государства»—Средней Европы. Вѣдь, если бы народы Средней Европы соединились въ единое государство, ихъ взаимоотношенія были бы отношеніями не между колоніей и метрополіей, а между націями въ государствѣ національностей.

Различіе между этими обоими видами государства сводится къ различію между примитивной и современной демократіей, на которое я указалъ въ своихъ статьяхъ «Парламентаризмъ и демократія», «Національность и международность», «Національное государство» и др. Здѣсь я добавлю еще только слѣдующее: въ эпоху примитивной демократіи массы интересуются политическими дѣлами лишь постольку, поскольку они касаются ихъ непосредственно, т.-е. дѣлами общины. Для участія въ государственной политикѣ они не имѣютъ ни возможности, ни данныхъ. Эта политика является привилегіей стоящаго надъ массами господствующаго класса.

Только современное капиталистическое развитіе, посредствомъ путей сообщенія, всеобщей грамотности и прессы, создаетъ условія для участія народныхъ массъ въ политической жизни, при чемъ для этого участія онѣ, рано или поздно, въ результатъ тяжелой борьбы, повсюду завоевываютъ себѣ необходимыя права и органы.

Очевидно далеко не безразлично, будутъ ли различные народы, при соединеніи ихъ въ единое государство, находиться въ стадіи примитивной или современной демократіи. Въ данномъ случаѣ возможны три формы. Народы съ примитивнымъ развитіемъ могутъ быть подчинены или объединены такой же примитивной господствующей націей или кастой, что обыкновенно принимаетъ видъ восточныхъ деспотій.

Иначе обстоятельства складываются тамъ, гдѣ современная нація, обладающая могущественными средствами современнаго государства, подчиняетъ себѣ народъ, находящійся на стадіи примитивной демократіи: тогда послѣдній попадетъ въ положеніе колоніи.

Еще иначе выглядитъ государство, когда въ единое цѣлое соединяются различныя націи, живущія современной политической жизнью: въ этомъ случаѣ мы имѣемъ государство національностей.

Если бы удалось образованіе проектируемаго Средне-

Европейскаго мірового государства, оно было бы государствомъ національностей въ послѣднемъ смыслѣ слова.

Разсмотримъ теперь, обнаруживаетъ ли въ самомъ дѣлѣ ходъ дѣйствительнаго развитія тенденцію къ расширенію національныхъ государствъ до предѣловъ государства національностей или соединенія ихъ въ такое.

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно установить, что мы понимаемъ подъ національнымъ государствомъ. Если понимать это выраженіе буквально, то врядъ ли найдется хоть одно національное государство, т.-е. такое, въ которомъ представлена только одна нація. Въ Англіи около 1 милліона человекъ говоритъ на уэльскомъ нарѣчій, полмилліона по прландски. Во Франціи въ 1881 г. насчитывался 1 милліонъ бретонцевъ, $\frac{1}{2}$ милліона итальянцевъ и 200 тыс. фламандцевъ.

Наиболѣе чистымъ типомъ національнаго государства въ настоящее время можетъ считаться Италія.

Поэтому національнымъ государствомъ можно называть такое государство, гдѣ одна нація имѣетъ настолько значительное преобладаніе надъ другими, что послѣднимъ и въ голову не приходитъ оспаривать это преобладаніе, гдѣ единый государственнй языкъ, т.-е. языкъ властей, военнаго сословія, законодательства и судопроизводства, считается само собою разумѣющимся и ощущается членами другихъ націй въ худшемъ случаѣ какъ неудобство, но не какъ несправедливость.

Съ точки зрѣнія такого пониманія національнаго государства, Соединенные Штаты будутъ не «крупнымъ наднаціональнымъ государствомъ», а просто національнымъ, хотя, вслѣдствіе значительной иммиграціи, они насчитываютъ очень много гражданъ, роднымъ языкомъ которыхъ не является англійскій. Изъ 110 милліоновъ жителей Соединенныхъ Штатовъ—32 милліона принадлежатъ къ эмигрантамъ или дѣтямъ эмигрантовъ, въ томъ числѣ 13 милл. британцевъ; затѣмъ 20 милліоновъ принадлежатъ къ другимъ національностямъ, изъ которыхъ 8 милліоновъ нѣмцевъ. Ни одна изъ этихъ націй даже приблизительно не можетъ равняться по численности съ говорящими по англійски; кромѣ того, члены этихъ націй оторваны отъ родной земли, смѣшались съ другими національностями и поставлены въ новыя условія жизни, такъ что никому изъ нихъ не взбредеть фантазія посягать на господство англійскаго языка въ государствѣ, или требовать одинаковаго съ нимъ признанія для своего языка. Они знаютъ, что національность является только переходной стадіей и ихъ потомки будутъ говорить уже по-англійски.

Ихъ національная непритязательность облегчается тѣмъ, что каждому предоставлена полнѣйшая свобода пользоваться своимъ языкомъ въ собраніяхъ, союзахъ и газетахъ; каждая нація имѣетъ право устранивать свои школы и театры; по крайней мѣрѣ, это имѣетъ мѣсто по отношенію къ европейцамъ; къ азіатамъ гораздо менѣе терпимы.

При такомъ положеніи вещей не наблюдается никакихъ поползновеній къ измѣненію этого порядка и къ превращенію Соединенныхъ Штатовъ въ государство національностей. Ихъ послѣднее значительное расширеніе на американскомъ континентѣ произошло въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Подъ вліяніемъ жаждущихъ новыхъ земель рабовладельцевъ, въ періодъ времени 1844—1848 гг. были завоеваны населенныя испанцами области: Техась, Новая Мексика и Калифорнія. Но эти земли были такъ рѣдко населены и такъ отстали въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, что ассимиляція испанцевъ совершилась очень быстро.

Еще и теперь Мексика очень далека отъ того, чтобы быть современнымъ государствомъ съ современной политической жизнью, хотя она значительно ушла впередъ по сравненію съ тѣмъ, что было 70 лѣтъ тому назадъ, и мы видимъ, что Соединенные Штаты, несмотря на могущественныя вліянія въ противоположномъ направленіи, не рѣшаются присоединить Мексику. Въ результатѣ этого шага они превратились бы въ государство національностей со всѣми вытекающими отсюда конфликтами и проблемами. Теперь уже слишкомъ поздно разсматривать Мексику, какъ простую колонію.

До сихъ поръ нѣтъ никакихъ данныхъ говорить о превращеніи Соединенныхъ Штатовъ изъ англосаксонскаго въ мировое наднаціональное государство.

Въ такой же степени нельзя констатировать этого процесса и въ британской Имперіи, если только отличать области съ примитивной демократіей, собственно колоніи, отъ областей современной демократіи. Достаточно вспомнить о 66 милліонномъ населеніи областей съ современной демократіей, чтобы сказать, что, какъ и прежде, британская имперія принадлежитъ къ національнымъ государствамъ, чему нисколько не противорѣчитъ наличность 1.650.000 французовъ въ Канадѣ. Ихъ присутствіе въ Имперіи слѣдуетъ приписать не современнымъ тенденціямъ къ образованію «интернаціональнаго мірового государства», но послѣдствіемъ завоевательной колониальной политики 18-го столѣтія, т.-е. времени, когда не проявлялось стремленія не только къ современному мировому государству, но и къ національному государству.

Правда, британская Имперія имѣетъ свою Эльзасъ-Лотарингію въ обѣихъ бурскихъ республикахъ, завоеванныхъ въ 1902 году. Она поторопилась исправить свою ошибку, давъ въ 1909 году завоеваннымъ провинціямъ полную автономію. Въ южно-африканскомъ союзѣ, къ которому принадлежатъ оба бурскихъ государства, официальнымъ языкомъ, наряду съ англійскимъ, считается и голландскій. Въ этомъ есть нѣкоторое отклоненіе отъ чистаго типа національнаго государства въ сторону государства національностей, но на характерѣ всего государства въ цѣломъ это нисколько не отражается. Британская Имперія насчитываетъ 62 милліона англчанъ, около 2-хъ милліоновъ буровъ и почти столько же французовъ. Оба послѣднихъ элемента могутъ выдвигать мѣстныя національно-государственныя, но не общегосударственныя проблемы. И ничто не указываетъ на то, чтобы аннексія бурскихъ республикъ означала начало развитія, имѣющаго тенденцію къ превращенію британской Имперіи въ государство національностей.

в) *Россія.*

Въ качествѣ доказательства якобы новой, порожденной новѣйшей фазой современнаго капитализма, тенденціей политическаго развитія къ крупному наднаціональному государству—остается еще только Россія—по истинѣ объектъ, подходящий для изученія тенденцій современной политики! До сихъ поръ мы полагали, что «интернаціональное» стремленіе Россіи къ расширенію было слѣдствіемъ, оставшимся въ наслѣдство отъ эпохи, когда она была восточной деспотіей.

Конечно, Россія все больше втягивается въ кругъ современнаго способа производства и въ ея населеніи, наряду съ примитивной демократіей сельской общины, все усиливаются тенденціи къ участію въ политической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается также современная національная жизнь и для Россіи возникаютъ проблемы государства національностей. Но съ тѣхъ поръ, какъ это обнаружилось, Россія стала усиленно остерегаться включенія въ свой составъ націй, живущихъ развитой политической жизнью. Уже въ теченіе цѣлаго столѣтія Россія не ищетъ никакихъ пріобрѣтеній на Западѣ и присоединяетъ только такія области, которыя находятся еще въ стадіи восточнаго деспотизма, какъ, напр., области Азіатской Турціи, Кавказа, Персіи, средне-азіатскихъ ханствъ и Китая. Въ Европѣ же съ 1815 года она присоединила только узкую полосу въ Бессарабіи. Когда въ 1878 г. Россія побѣдила Турцію, она изъ отнятыхъ

у нея въ Европѣ областей образовала самостоятельныя государства. Если въ послѣднее время она начала обнаруживать стремленіе къ Галиціи, то не потому, что хотѣла присоединить къ себѣ двѣ новыя націи, но потому, что хотѣла смягчить или даже совсѣмъ уничтожить національное движеніе и притяженіе для двухъ національностей—поляковъ и малороссовъ,—большинство которыхъ является ея подданными, притяженіе, поддерживаемое благодаря вліянію сосѣдей, принадлежащихъ къ тѣмъ же націямъ, по ту сторону границы. Если Европейская Россія все болѣе принимаетъ характеръ государства національностей, то это происходитъ не благодаря расширенію Имперіи и раздвиженію ея границъ, но благодаря росту численности народовъ, ее населяющихъ, и внутреннему процессу, придающему ея государственной жизни современное политическое содержаніе.

Итакъ, Россія въ столь же малой степенн, какъ и оба другихъ «наднаціональныхъ міровыхъ государства», обнаруживаетъ въ настоящее время тенденцію, которая якобы съ естественной необходимостью порождается современнымъ экономическимъ развитіемъ,—тенденцію къ сліянію различныхъ самостоятельныхъ національныхъ государствъ въ государство высшаго типа. Въ лучшемъ случаѣ она доказываетъ, что распаденіе государства національностей на національныя государства—процессъ не простой и не всегда осуществляющійся, что не для всякой націи существуетъ возможность получить самостоятельность въ формѣ сувереннаго національнаго государства.

Надо имѣть въ виду и различіе между самими государствами національностей. Каждое изъ нихъ возникло при другихъ историческихъ условіяхъ и имѣетъ различныя перспективы и возможности развитія. Слѣдуетъ остерегаться дѣлать обобщенія на основаніи одного или двухъ случаевъ.

Если расчеты на возстаніе угнетенныхъ народовъ, съ одной стороны, Россіи, съ другой—Австріи не оправдались, то изъ этого нельзя еще заключать, что существованіе государства въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ повсюду, считается болѣе важнымъ, чѣмъ существованіе націи, и что, слѣдовательно, всѣ государства національностей обезпечены отъ будущаго распаденія. Только послѣ войны можно будетъ безусловно установить, что именно во время войны привязывало націи къ государству національностей, въ которомъ они живутъ—приверженность ли къ этому государству или принудительная сила.

Вообще о приверженности націй къ государству въ Рос-

си можно говорить лишь постольку, поскольку имѣть въ виду его притягательную силу не въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, но въ какомъ оно будетъ существовать . . .

Русскіе «инородцы», вѣрнѣе ихъ трудящіяся массы, которыя только и слѣдуетъ принимать во вниманіе, вѣрятъ въ движеніе внутри Россіи и ждуть отъ него большихъ результатовъ, чѣмъ отъ измѣненія границъ.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать и того, что въ Россіи условія для осуществленія государства національностей чрезвычайно благоприятны; она уже очень приближается къ національному государству.

Согласно переписи 1897 года Россійская Имперія имѣла 129 милліоновъ жителей; число ихъ въ 1912 г. возросло до 171 милліона. Но взаимоотношеніе между отдѣльными національностями можно выяснитъ только на основаніи цифръ 1897 года. Русскихъ было тогда 84 милліона, т.-е. огромное большинство населенія. Правда, изъ этихъ 84 милл. было 22 милліона малоросовъ, но относительно ихъ до сихъ поръ еще не установлено опредѣленно, составляютъ ли они самостоятельную націю; является ли ихъ языкъ нарѣчіемъ, какъ напр., ниже-нѣмецкое или швейцарское, или же онъ представляетъ особый литературный языкъ и относится къ великорусскому, какъ голландскій къ нѣмецкому. Русскій литературный языкъ мало доступенъ для малорусскаго крестьянина, такъ же, впрочемъ, какъ и для великорусскаго. Въмѣстѣ съ тѣмъ оба языка настолько близки между собой, что малороссійскіе поэты могли творить свои величайшія произведенія на великорусскомъ, языкѣ, какъ на примѣръ, Гоголь. Возможно, что государственное обособленіе превратило бы малороссовъ, такъ же какъ и голландцевъ, въ особую націю. Внутри же Россійской имперіи они остаются русскими, какъ остались нѣмцами ниже-нѣмцы.

Мы видимъ, слѣдовательно, въ Россіи такое же преобладаніе въ Россіи русскихъ надъ другими національностями, какъ англосаксовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. И также, какъ и въ Америкѣ, и въ Россіи ни одна нація по численности не приближается къ руководящей націи. Самая многочисленная изъ національностей, послѣ англосаксонской, въ Америкѣ—нѣмецкая—составляетъ 8 милліоновъ изъ 100 милліоновъ всего населенія, а поляки въ Россіи составляютъ 8 милліоновъ изъ 129.

Конечно, существенное различіе составляетъ то, что въ Америкѣ «инородцы» оторваны отъ родной почвы и потому легко подчиняются притягательной силѣ господствующей націи, которая ихъ легко ассимилируетъ. Только постоян-

ный приток извнѣ поддерживаетъ тамъ существованіе «инородцевъ». Въ Россіи же, напротивъ того, они продолжаютъ оставаться на унаслѣдованной ими территоріи и сохраняютъ упорный консерватизмъ, порождаемый родной землей... Они остаются вѣрны родному языку и ихъ возрастающее участіе въ общегосударственной жизни содѣйствуетъ не растворенію ихъ въ господствующей націи, а, наоборотъ, усиленію ихъ стремленій къ національной самостоятельности.

При этомъ они не встрѣчаютъ по ту сторону границы никакого другого государства, которое могло бы ихъ привлечь больше, чѣмъ собственное, съ которымъ у нихъ издавна образовались тѣсныя экономическія отношенія, благодаря таможенному союзу и государственной торговой политикѣ. Большинство инородцевъ живетъ на окраинахъ государства, въ то время, какъ русскіе населяютъ центральную часть Имперіи. Но значительная часть инородцевъ во всей своей массѣ находится внутри Россійской Имперіи, какъ, наприм., финны, латыши, эсты и кавказцы. Только меньшинство встрѣчаетъ по ту сторону границы родныя націи въ значительномъ количествѣ, подобно полякамъ, малороссамъ и армянамъ. Но послѣдніе до войны, въ свою очередь, не составляли самостоятельныхъ государствъ, а принадлежали къ другимъ крупнымъ государствамъ, въ которыхъ они являлись незначительнымъ меньшинствомъ населенія. Исключеніе составляетъ только миллионъ румынъ въ Бессарабіи, насчитывающей всего 2 миллиона жителей.

При такихъ условіяхъ все вниманіе русской бюрократіи было обращено на то, чтобы уничтожить у нѣкоторыхъ «инородцевъ» стремленіе къ насильственному оторженію отъ общаго государства.

Уже одни только надежды на улучшеніе своего положенія послѣ ожидаемыхъ внутреннихъ реформъ заставляютъ этихъ «инородцевъ» искать спасенія не въ измѣненіяхъ границъ, а во внутреннихъ преобразованіяхъ. Достаточно было бы тѣхъ правъ, которыя существуютъ для отдѣльныхъ языковъ и національностей въ Соединенныхъ Штатахъ или въ британской имперіи въ тѣхъ частяхъ, которыя не являются собственно колоніями, чтобы удержать ихъ въ предѣлахъ Россійскаго государства.

Нѣкоторые, напримѣръ Э. Пернерсторферъ, думаютъ, что въ либеральной Россіи не прекратится угнетеніе инородцевъ; безъ сомнѣнія, либерализмъ не является гарантіей противъ политики угнетенія. Въ нѣкоторыхъ государствахъ существуютъ либеральныя партіи, проповѣдующія самое безпощадное обузданіе инородцевъ. Либералы, извѣстные

Пернерсторферу, даютъ ему право для такого подозрѣнія. Но все же между либералами и бюрократіей абсолютистскаго государства есть существенная разница. Бюрократія въ силу самаго своего характера должна подавлять всякую политическую активность народныхъ массъ, а слѣдовательно и всякое самостоятельное движеніе отдѣльныхъ національностей въ государствѣ. Для либерализма, напротивъ, политика насилія надъ отдѣльными частями народа не вытекаетъ изъ его сущности, которая сталкивается съ бюрократіей, препятствующей даже развитію капитализма. Либерализмъ знаетъ, что капиталистическій способъ производства не можетъ развиваться безъ сильной инициативы и самодѣтельности его носителей, которыя не совмѣстимы съ неограниченнымъ господствомъ правительственной бюрократіи. Онъ знаетъ также, что политическое угнетеніе народныхъ массъ неосуществимо въ вѣкъ развитыхъ средствъ сообщенія и что оно является лучшимъ средствомъ для возбужденія ихъ противъ существующаго строя. Конечно тамъ, гдѣ при политической свободѣ дѣло доходитъ до такого возбужденія, либерализмъ быстро забываетъ свои принципы, но онъ остается имъ вѣренъ, поскольку страхъ или выгода не вынуждаютъ его къ противоположному.

Въ Россіи какъ разъ отсутствуютъ оба момента, которыя въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ съ различными національностями побуждаютъ либераловъ господствующей націи угнетать другія націи.

Мы уже видѣли, что въ Россіи господствующая нація имѣетъ столь значительное численное преобладаніе, что ей не приходится опасаться, что благодаря политической свободѣ, какъ бы далеко она ни зашла, это преобладаніе можетъ быть поколеблено. Нѣтъ также никакихъ основаній опасаться, что другія національности въ государствѣ усилятся быстрѣе русской,—какъ разъ наоборотъ.

Областью Россіи, въ которой народонаселеніе растетъ быстрѣе всего и которая представляетъ для нея наибольшую возможность расширенія, является Сибирь. Также, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, здѣсь къ естественному приросту населенія присоединяется еще значительное переселеніе. Если населеніе всей Россіи съ 1897 до 1912 г. увеличилось на 30%, то за тотъ же періодъ времени населеніе Сибири болѣе, чѣмъ удвоилось. Этотъ приростъ населенія Сибири послѣ войны долженъ пойти еще болѣе быстрымъ темпомъ, если ея послѣдствіемъ будетъ болѣе свободный режимъ. Онъ направитъ потокъ русской эмиграціи вмѣсто Америки въ Сибирь. Это стремленіе въ Сибирь послѣ войны возрастетъ еще и потому, что Сибирь отъ войны пострадала

меньше всего, тогда какъ значительныя области, населенныя «иностранцами» на западѣ Россіи, очень сильно опустошены.

Условія для переселяющихся въ Сибирь національностей складываются такъ же, какъ и въ Америкѣ. Оторванные отъ родной почвы, они уже во второмъ поколѣніи, благодаря современнымъ средствамъ сношенія, ассимилируются преобладающей частью населенія. Руссифицированіе другихъ національностей, встрѣчающее на западѣ Россіи непреодолимые препятствія, будетъ происходить само собой для частей тѣхъ національностей, которыя переселяются въ Сибирь. Эта сказочная область станетъ чисто русской національной областью и должна замѣтно увеличивать изъ года въ годъ преобладаніе русской національности во всемъ государствѣ. Поэтому совершенно непонятно, почему русскіе либералы стануть проводить политику національнаго угнетенія.

О второмъ факторѣ, который могъ бы вести къ такой политикѣ, мы уже говорили; если бы по ту сторону Русской границы существовало государство, въ которомъ какая-либо изъ національностей Россіи могла бы найти для себя больше свободы и лучшія условія развитія, чѣмъ въ либеральной Россіи, то это могло бы дать этой національности толчокъ къ освобожденію отъ связи съ русскимъ государствомъ. Это обстоятельство могло бы послужить для русскихъ либераловъ основаніемъ къ пасивному подавленію тенденціи такого рода. Но кто желаетъ доказать возможность этого, долженъ сперва показать намъ такое государство, въ которомъ какой-либо изъ пограничныхъ русскихъ народовъ могъ бы найти лучшія перспективы для своего національнаго развитія, чѣмъ въ либеральной Россіи. А мы имѣемъ въ виду только либеральную, а не современную Россію. . . .

.
.
.
.

Примѣръ Россіи не доказываетъ ни того, что государство національностей является наилучшей государственной формой для будущаго, ни того, что всякое государство національностей жизнеспособно. Объединеніе въ ней различныхъ національностей не является продуктомъ новѣйшей исторіи и своей жизненной силой она обязана тѣмъ элементомъ національнаго государства, которое она въ себѣ заключаетъ. Благодаря этому Россія окажется достаточной сильной, чтобы покончить съ затрудненіями, вытекающими изъ признаковъ, общихъ у нея съ государствомъ національностей.

с) Австрія.

Россія занимает среднее положеніе между національнымъ государствомъ и государствомъ національностей. Свою классическую форму послѣднее находитъ только тамъ, гдѣ, среди нѣсколькихъ національностей въ одномъ государствѣ, ни одна не превосходитъ остальныхъ настолько, чтобы стать господствующей націей сама собою безъ всякаго политическаго принужденія, въ силу одного только естественнаго преобладанія.

Среди государствъ національностей въ собственномъ смыслѣ слѣдуетъ, въ свою очередь, различать государства съ двумя только и съ нѣсколькими національностями. Для первыхъ національная проблема очень упрощается: въ этомъ случаѣ достаточно, чтобы при широкой національной свободѣ и мѣстномъ самоуправленіи вмѣсто одного признавались равноправными въ области управленія и законодательства два языка; этимъ устраняется большинство затрудненій, вызываемыхъ различіемъ языка. Это въ особенности облегчается тамъ, гдѣ одинъ изъ этихъ двухъ языковъ является вмѣстѣ съ тѣмъ мировымъ языкомъ, изученіе котораго приноситъ не одни только мѣстныя удобства и поэтому не ощущается, какъ принужденіе.

Въ Бельгій въ 1910 г. 2,833,334 жителей говорили только по французски, 3,220,662 только по фламандски и 871,288 владѣли обоими языками.

Своеобразное положеніе, въ качествѣ государства національностей, занимаетъ Швейцарія. Существованіе ея облегчается, благодаря почти полному суверенитету отдѣльныхъ кантоновъ. Въ Швейцаріи говорятъ на четырехъ языкахъ но два изъ нихъ—нѣмецкій и французскій—занимаютъ такое выдающееся положеніе вслѣдствіе большого количества жителей, говорящихъ на обоихъ или на одномъ изъ нихъ, что они приобрѣли значеніе государственнаго языка. На ряду съ ними, итальянскій языкъ играетъ подчиненную роль: только въ двухъ изъ 25 кантоновъ на немъ говоритъ большинство населенія. На романскомъ нарѣчій говорятъ только въ одномъ кантонѣ, да и то только меньшинство населенія.

Гораздо сложнѣе отношенія въ Австріи—государствѣ національностей, подобнаго которому нѣтъ въ Европѣ. Населеніе ея принадлежитъ къ 9 національностямъ, среди которыхъ четыре крупныхъ; при этомъ ни одна настолько не превосходитъ остальныхъ, чтобы ея численность давала ей само собою разумѣющейся и всѣми признаваемый перевѣсъ. Во всемъ государствѣ насчитывается 12 милліоновъ нѣмцевъ, 10 милліоновъ мадьяръ, 8½ милліоновъ чеховъ и слова-

ковъ, 6¹/₂ милліоновъ сербо-кроатовъ, а если еще причислить къ нимъ словинцевъ, то 7¹/₂ милліоновъ юго-славянъ. Кромѣ того, въ Австро-Венгріи живетъ 5 милліоновъ поляковъ, 4 милліона русинъ (малороссовъ) и 3¹/₂ милліона румынъ.

Долгое время роль государственной націи въ этой смѣси народовъ играли нѣмцы. Германскіе императоры были владѣтелями наслѣдственныхъ габсбургскихъ земель; нѣмцы были и въ экономическомъ и въ умственномъ отношеніи самой развитой націей государства; нѣмецкій языкъ былъ не только языкомъ бюрократіи и арміи, но и языкомъ сношеній между образованными людьми. Но, когда прервалася связь Австріи съ Германской имперіей и когда одновременно капитализмъ сталъ захватывать и другія націи, преобладаніе нѣмцевъ начало колебаться. Нѣмцы стали пытаться тогда утвердить себя въ качествѣ господствующей націи въ западной части имперіи, предоставивъ востокъ мадьярамъ.

При этомъ они отдавали 2 милліона нѣмцевъ подъ власть мадьярской гегемоніи. Въмѣстѣ съ тѣмъ были расколоты и чехо-словаки, два милліона которыхъ живутъ въ Венгріи. Въ самомъ странномъ и запутанномъ государственно-правовомъ положеніи оказались сербо-кроаты. Одна часть ихъ стала непосредственно венгерской, другая—австрійской, третья (въ Кроаціи) заняла внутри венгерскаго государства особое положеніе и, наконецъ, опять-таки особое положеніе было предоставлено четвертой ихъ части въ Босніи.

Государственно-правовой путаницѣ соотвѣтствуетъ и путаница національныхъ цѣлей различныхъ народовъ. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ на границѣ съ самостоятельными, иногда сильными и цвѣтущими, государствами одинаковой съ ними національности, какъ, напримѣръ, румыны, сербы, итальянцы и нѣмцы. Это порождаетъ въ нихъ желанія и потребности, выходящія за предѣлы границъ, въ которыхъ они живутъ, и не вездѣ имѣющія одинаковый характеръ. Национально настроенные нѣмцы обнаруживаютъ большое тяготѣніе къ Германской имперіи, но, съ другой стороны, стремленіе играть роль руководящей государственной націи направляетъ ихъ вниманіе скорѣе на востокъ и югъ. Основаніе средневропейскаго государства кажется имъ самымъ надежнымъ средствомъ объединить въ высшемъ синтезѣ обѣ эти противорѣчивыя тенденціи. Иной характеръ имѣютъ стремленія поляковъ и русинъ. И у нихъ большая часть ихъ соплеменниковъ находится по ту сторону границы. Но и тамъ они до сихъ поръ не составляютъ особыхъ самостоятельныхъ національныхъ государствъ, а вкраплены, какъ меньшинства, въ крупныя государства. Ихъ національныя

стремленія приобрѣтають поэтому, въ особенности у поляковъ, враждебную тенденцію по отношенію къ сосѣднему государству.

Только двѣ національности цѣликомъ входятъ въ составъ монархій: венгерцы и чехи. У тѣхъ и другихъ мы видимъ высоко развитое національное сознаніе, несмотря на то, что и тѣ и другіе сильно заинтересованы въ сохраненіи Австріи, не потому, конечно, что вѣкъ мірового хозяйства не терпитъ существованія мелкихъ національныхъ государствъ. Это, какъ мы видѣли, представляется совершенно неосновательнымъ утвержденіемъ, но потому, что въ настоящее время всякому государству, какъ свѣтъ и воздухъ, необходимо выйти къ открытому морю. Открытое море является единственнымъ свободнымъ путемъ, доступнымъ въ мѣрные времена для всякаго государства.

Государству, которое имѣетъ выходъ къ открытому морю, открытъ также доступъ къ міровому рынку. Свободу плаванія по морямъ въ мирное время не приходится завоевывать, она является прочно установленнымъ фактомъ. Когда выставляютъ требованія свободы морей, въ качествѣ цѣли войны, то имѣютъ въ виду не время будущаго мира, а время будущей войны. Это требованіе является описательнымъ выраженіемъ для стремленія къ уничтоженію морского владычества Англій.

Напротивъ того, участіе государства, не имѣющаго выхода къ открытому морю, въ міровой торговлѣ и въ мирное время зависитъ всецѣло отъ его сосѣдей, отъ ихъ таможенной и желѣзнодорожной политики. Для такого государства можетъ быть чрезвычайно губельно сосѣдство съ превосходящими его державами, препятствующими его участію въ міровой торговлѣ. Не свобода морей, а выходъ къ морю является самымъ жизненнымъ требованіемъ для каждаго затронутаго капиталистическимъ процессомъ производства государства. Сербія неоднократно испытывала это на своемъ примѣрѣ.

Не случайно, что всѣ жизнеспособныя и цвѣтуція небольшие государства, за однимъ только исключеніемъ, лежатъ у моря: три скандинавскихъ государства, Голландія и Бельгія. Единственное исключеніе составляетъ Швейцарія. Ея счастье составляетъ то, что она окружена четырьмя сосѣдями со столь различными интересами, что для нея никогда не можетъ наступить момента, — она въ этомъ отношеніи можетъ быть вполне увѣрена, — когда всѣ они вмѣстѣ могли бы выступить противъ нея. Поэтому тотъ или иной выходъ къ морю для нея всегда открытъ. И все-таки неблагоприятнымъ моментомъ для ея экономической самостоятельности

являются не ея небольшіе размѣры, а ея географическое положеніе.

Германскій таможенный союзъ, вѣроятно, никогда бы не осуществился, если бы небольшія государства, объединенныя имъ вокругъ Пруссіи, почти все не были отрѣзаны отъ моря. Лежащія у моря государства, какъ, напр., Ганноверъ и Ольденбургъ, долѣе всего противились вступленію въ союзъ. Мекленбургъ же и Ганзейскіе города и вовсе не вступили въ него. Независимой таможенной политикѣ Мекленбурга положили конецъ только сѣверо-германскій союзъ. Для ганзейскихъ же городовъ погребальный звонъ прозвучалъ только послѣ образованія Германской имперіи. Приморское положеніе для экономической самостоятельности гораздо важнѣе, чѣмъ величина государства. Гамбургъ могъ оставаться внѣ таможенного союза, чего, напротивъ, не могла сдѣлать Баварія.

Самостоятельное государство чеховъ или венгровъ было бы отрѣзано отъ моря, вопреки Шекспиру, приписавшему Богеміи морской берегъ. Фиуме расположено въ области распространенія не венгерскаго, а сербско-хорватскаго языка. Поэтому оба эти государства находились бы въ отчаянномъ положеніи. Одно это заставляетъ мадьяровъ и чеховъ быть заинтересованными въ сохраненіи Австріи, несмотря на ихъ сильныя національныя стремленія. Но эта заинтересованность проявляется у нихъ въ весьма различныхъ, даже противоположныхъ, формахъ. Ибо мадьяры являются господствующей націей въ государствѣ и желаютъ сохранить свое теперешнее положеніе, тогда какъ чехи стремятся добиться полнаго политическаго равноправія, а горячія головы среди нихъ полагаютъ, что ихъ нація имѣетъ данныя самой стать господствующей націей. Поэтому они находятся въ оппозиціи къ мадьярамъ и нѣмцамъ.

Ни одна изъ національностей въ Австро-Венгріи не обладаетъ такимъ численнымъ перевѣсомъ надъ другими, чтобы собственными силами что-нибудь сдѣлать въ государствѣ. Каждая изъ нихъ поставлена въ необходимость соединяться для достиженія опредѣленныхъ цѣлей съ какой-нибудь другой націей, которая въ данномъ пунктѣ имѣетъ общіе съ ней интересы, хотя отнюдь не преслѣдуетъ общей съ ней политики по отношенію къ государству въ цѣломъ. Поэтому до сихъ поръ оставались тщетными все попытки принципиальнаго, единообразнаго и послѣдовательнаго урегулированія національныхъ отношеній; все эти попытки приводились только отъ случая къ случаю, въ ограниченной области, обставлялись безчисленными оговорками; всякое частичное разрѣшеніе проблемы создавало только

новыя проблемы; единственнымъ послѣдовательнымъ способомъ былъ способъ «оттягиванія»; всякое завоеваніе въ области національнаго вопроса было только усложненіемъ національныхъ отношеній.

К. Реннеръ выработалъ въ свое время весьма остроумный планъ, при помощи котораго можно было бы удовлетворительно разрѣшить національныя противорѣчія въ Австріи. Этотъ планъ въ своемъ родѣ столь же гениаленъ, какъ и проектировавшійся Фурье фаланстеръ. Но милліонеръ, котораго ожидалъ послѣдній для осуществленія своего плана, такъ-таки никогда не пришелъ. Точно такъ же до сихъ поръ не обнаружилось никакихъ признаковъ силъ, которыя были бы въ состояніи и пожелали бы осуществить планъ Реннера. Послѣ войны мы увидимъ, произвела ли она въ этомъ отношеніи какія-либо измѣненія.

Безъ всякаго сомнѣнія, Австрія, устроенная по плану Реннера, была бы столь же оригинальнымъ организмомъ, какъ и фаланстеръ Фурье. Онъ могъ бы даже превосходить существующія національныя государства и по отношенію къ нимъ оказаться высшей государственной формой.

Но здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ планами, надеждами и ожиданиями, а съ опытомъ предшествующей исторіи, а онъ не указываетъ намъ ни одного государства національностей, которое по внутренней силѣ могло бы равняться съ національнымъ государствомъ. Исторія даетъ намъ примѣры затрудненій и проблемъ въ государствахъ національностей, которыхъ вовсе не знаютъ національныя государства. И, наконецъ, исторія не обнаруживаетъ ни малѣйшей тенденціи къ объединенію уже существующихъ национальныхъ государствъ съ развитой политической жизнью народныхъ массъ въ интернациональныя міровыя имперіи.

Тенденція къ соединенію различныхъ народностей въ міровую имперію, наблюдающаяся въ настоящее время, выражается лишь въ присоединеніи областей, остающихся въ политическомъ отношеніи безправными, при помощи колониальной политики. Тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ различныя національности съ развитой политической жизнью народныхъ массъ, объединенныя въ одно государство, тамъ результатомъ новѣйшей исторіи является только ея національная жизнь, а не фактъ ея объединенія. Послѣднее относится къ давно прошедшему времени, является пережиткомъ прошлаго, а не зародышемъ новаго будущаго.

Единственное исключеніе составляетъ присоединеніе бурскихъ республикъ къ міровой британской имперіи; это исключеніе имѣло мѣсто въ Африкѣ и является побочнымъ результатомъ колониальной политики. Въ Европѣ послѣднія

десятилѣтія не дали ни одного факта продолжительнаго объединенія различныхъ національныхъ государствъ въ одно государственное цѣлое, наоборотъ, дали два событія совершенно противоположнаго характера: распаденіе Австріи на два государства, изъ которыхъ одно—Венгрія—становилось все болѣе самостоятельнымъ, и разрывъ уніи между Швеціей и Норвегіей. Послѣднее изъ этихъ событій превратило союзное государство съ почти 8-милліоннымъ населеніемъ въ два небольшихъ національныхъ государства, изъ которыхъ одно насчитываетъ болѣе 5, другое болѣе 2-хъ милліоновъ жителей.

Это событіе, имѣвшее мѣсто десять лѣтъ назадъ, ясно показываетъ произвольность утвержденія, что національное государство отжило вѣкъ и вытѣсняется интернаціональнымъ союзомъ государствъ.

Ходъ развитія, который будто бы требуетъ созданія Средней Европы, существуетъ только въ фантазіи поборниковъ этого плана.

5. Классъ и нація.

а) *Національная идея пролетаріата.*

Наше изслѣдованіе шансовъ на осуществленіе Средней Европы было бы неполнымъ, если бы оно оставалось чисто критическимъ и отрицательнымъ. Мы показали что современное развитіе государства не имѣетъ тенденціи къ превращенію національнаго государства въ наднаціональное гигантское государство путемъ объединенія національныхъ государствъ. Это, однако, не означаетъ, что отдѣльные классы, раньше стремившіеся къ національному государству, въ настоящее время не претерпѣли въ этомъ отношеніи никакихъ измѣненій и что національная идея осталась нетронутой эволюціей классовъ, происшедшей благодаря гигантскому развитію послѣднихъ десятилѣтій. Какъ же относятся въ настоящее время различные классы къ національной идеѣ?

Мои взгляды въ этомъ вопросѣ встрѣтили недавно возраженія со стороны нѣкоторыхъ марксистовъ, какъ необоснованное повшество. И, тѣмъ не менѣе, они родились не сегодня. Такъ, на примѣръ, почти 20 лѣтъ тому назадъ, въ январѣ 1898 г., я напечаталъ въ «Neue Zeit» статью о «борьбѣ національностей и государственномъ правѣ въ Австріи», въ которой подвергалъ анализу національную идею. Я писалъ тамъ:

«Современная національная идея, подъемъ которой во всей Европѣ сопровождаетъ появленіе современнаго государства, не есть просто обманъ и галлюцинація, какъ утверждаютъ критики «слишкомъ односторонняго матеріалистическаго» марксизма, но коренится глубоко въ потребностяхъ народовъ. Въ ея развитіи, какъ мнѣ кажется, особенно могущественно дѣйствуютъ три фактора: во-первыхъ, потребность буржуазіи, товаропроизводителей вообще, обезпечить себѣ внутренній рынокъ и расширить въ возможно большей степени внѣшній, что ведетъ къ отгораживанію извнѣ и къ соединенію противъ общихъ иностранныхъ конкурентовъ. Этой потребности лучше всего можетъ соответствовать національное государство. Но тамъ, гдѣ внутри

государства сожителъствуютъ различныя націи, тамъ границы языка до извѣстной степени дополняютъ таможенныя границы: вѣдь языкъ является важнѣйшимъ средствомъ сношеній. Объединеніе и расширеніе области языка и исключеніе изъ нея конкурентовъ, говорящихъ на чужомъ языкѣ, могутъ имѣть столь же важное значеніе для внутренняго рынка, какъ въ другихъ условіяхъ самостоятельности и размѣры національнаго государства».

«Второй причиною, обусловливающей современную національную идею, является стремленіе къ политической свободѣ и демократіи, экономическихъ предпосылокъ котораго мы не будемъ здѣсь касаться, но которое во всѣхъ современныхъ культурныхъ государствахъ въ теченіе нашего (19-го) столѣтія возникло съ большою силой. Оно означаетъ стремленіе къ полному суверенитету народа, желающаго свободно опредѣлять свои судьбы и противящагося всякому внѣшнему принужденію, исходитъ ли оно отъ лица, класса или какой-нибудь другой націи».

«Третью причину современныхъ національныхъ стремленій мы видимъ въ распространеніи литературнаго національнаго образованія въ народныхъ массахъ. Это, въ сущности, специфическое явленіе, присущее XIX столѣтію. До него мы встрѣчаемъ, за немногими исключеніями, лишь народную поэзію и зачатки фольклора, покоящихся на устной традиціи и еще не преодолевшихъ мѣстной ограниченности села или городской общины. И, на-ряду съ ними, литературу, составлявшую привилегію аристократическаго меньшинства и столь чуждую народной жизни, что она долгое время пользовалась чужими языками, нося, по преимуществу, международный характеръ. Латинскій языкъ, мѣсто котораго въ качествѣ литературнаго языка занимаетъ потомъ, даже за предѣлами Франціи, французскій, въ концѣ-концовъ вытѣсняется національными языками въ литературѣ, все болѣе и болѣе принимающей національный характеръ, но только въ предѣлахъ большихъ націй съ развитою буржуазіей. Небольшія и, въ особенности, отсталыя націи были не въ состояніи поднять свою духовную жизнь на высоту собственной книжной литературы, для которой они не имѣли ни авторовъ, ни достаточнаго круга читателей».

«Въ XIX столѣтіи школьное образованіе массъ стало экономической необходимостью: какъ экономическая, такъ и политическая жизнь заставляютъ массы поддерживать между собой общеніе въ болѣе широкихъ предѣлахъ и пріобрѣтать знанія въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Рядомъ съ книжною, возникаетъ и газетная литература, и обѣ онѣ проникаютъ во все болѣе широкіе круги народа. Благодаря этому и не-

большія націи получаютъ почву для собственной литературы, прежде всего газетной, въ качественномъ отношеніи носящей часто сомнительный характеръ, но подготовляющей почву для высшихъ формъ оригинальной національной литературы и впервые вносящей въ массы сознание общности языка и національной обособленности».

„Всѣ эти причины современныхъ національныхъ движеній вытекаютъ изъ основныхъ тенденцій современнаго общества“.

Каждый изъ вышеуказанныхъ трехъ факторовъ современной національной идеи имѣетъ своимъ носителемъ какой-нибудь другой классъ. Первый факторъ—классъ капиталистовъ, второй—трудящіеся классы, третій—интеллигенцію. Каждый изъ этихъ классовъ занимаетъ особую позицію по отношенію къ національной идеѣ и придаетъ ей свой особый отпечатокъ.

Национальное сознание трудящихся классовъ возникаетъ одновременно съ пробужденіемъ ихъ интереса къ политической жизни или, точнѣе, оно составляетъ часть этихъ интересовъ повсюду, гдѣ національная самостоятельность или объединеніе встрѣчаютъ на своемъ пути препятствія. Массы стремятся не только къ демократическимъ правамъ, но и къ возможности пользоваться ими. Они лишены послѣднихъ тамъ, гдѣ государственный языкъ и политическая дѣятельность чужды имъ. Для осуществленія демократіи необходимо, чтобы народный языкъ сталъ государственнымъ языкомъ. Это возможно только въ національномъ государствѣ. Послѣднее является одной изъ цѣлей демократическихъ стремленій, гдѣ оно еще не осуществилось до вышеступленія демократіи.

Подобно многимъ другимъ идеаламъ, и этотъ идеалъ не вездѣ получаетъ свое полное осуществленіе. Мы уже видѣли, что въ нѣкоторыхъ государствахъ національностей существуютъ націи, географическое положеніе которыхъ, какъ и исторически выработавшіяся условія существованія, очень затрудняютъ ихъ развитіе въ самостоятельное національное государство. Въ качествѣ суррогата, имъ остается только приобрѣтеніе національной автономіи внутри государства національностей, къ которому они до сего времени принадлежали. Но это не означаетъ ни отказа отъ общей тенденціи къ національной самостоятельности, ни опроверженія того факта, что послѣдняя въ полномъ видѣ осуществима только въ національномъ государствѣ. Мы должны остерегаться того, чтобы въ нуждѣ отсталого востока видѣть добродѣтель, которой долженъ подражать западъ, и разсматривать его особенности, какъ высшія формы развитія, которыя должны указывать путь западу. Сказка о прогнив-

шемъ Западъ, который долженъ возродиться путемъ болѣе совершенныхъ методовъ Востока, пережила въ послѣдніи полстолѣтія самыя разнообразныя изданія и варіаціи, но отъ этого не стала болѣе правильной.

Требованіемъ національной самостоятельности исчерпывается національная потребность рабочей демократіи. То, чего она требуетъ у какого-нибудь народа для себя, то она готова предоставить и демократіи всякаго другого народа. Да, въ сущности, демократія одной страны опирается на демократію другой страны. Если бы демократія была повсюду осуществлена и всюду получила признаніе самостоятельности народовъ, то всякій народъ, независимо отъ своей численности, былъ бы обезпеченъ въ одинаковой степени. Ни одна нація не нуждалась бы въ томъ, чтобы расти за счетъ другихъ, ни одна не угрожала бы другой, и эпоха вѣчнаго мира была бы тѣмъ ближе, чѣмъ шире была бы распространена демократія. Въ средствахъ обороны демократическое государство нуждается только для защиты отъ нападенія государствъ, не ставшихъ еще демократическими. Для этой цѣли достаточно милиціи. Таковъ былъ ходъ мыслей демократіи въ теченіе большей части прошлаго столѣтія.

Тѣсная связь демократическихъ стремленій съ стремленіями къ національной самостоятельности заставляли абсолютистскія правительства первой половины прошлаго столѣтія выступать противъ національныхъ тенденцій съ такой же энергіей, какъ и противъ демократическихъ. Правительства соединились для этой цѣли въ интернаціональ, и первыми международными конгрессами были конгрессы реакціонныхъ правительствъ, какъ, напр., Веронскій 1822 г. и Теплицкій 1835 г. вмѣстѣ съ тѣмъ и освободительная борьба отдѣльныхъ націй была дѣломъ, касавшимся не только ихъ самихъ, но и дѣломъ всей европейской демократіи, будь то борьба грековъ или итальянцевъ, испанцевъ или венгровъ, поляковъ или нѣмцевъ. Стремленіе всякой національности къ самостоятельности становилось международнымъ дѣломъ.

Носителемъ демократическаго движенія, какъ и теперь, были тогда трудящіеся классы. Мы понимаемъ подъ этимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто жилъ собственнымъ, а не чужимъ трудомъ. Среди нихъ самую рѣшительную часть составляли ремесленники, мелкая буржуазія, а не пролетаріатъ. Поэтому можно, конечно, сказать, что стремленіе къ національной самостоятельности является наслѣдствомъ, оставленнымъ отъ мелкой буржуазіи, но то же самое имѣетъ мѣсто по отношенію къ демократіи, къ борьбѣ за избирательное право, за свободу печати и за международность. Приходя къ самостоятельному классовому сознанію и классовой борьбѣ, про-

летаріатъ не отказывался отъ этихъ цѣлей; скорѣе онъ становился передовымъ борцомъ за нихъ, послѣ того, какъ мелкая буржуазія измѣняла имъ и подчинялась руководителству крупной. Конечно, международность пролетаріата не вполне однородна съ международностью «молодой Европы» 30-хъ гг. или международного союза нѣмецкихъ, итальянскихъ, польскихъ и французскихъ демократовъ; она имѣетъ болѣе глубокой характеръ въ силу того, что къ политической солидарности всѣхъ странъ противъ ретроградныхъ правительствъ онъ присоединилъ еще экономическую солидарность наемныхъ рабочихъ различныхъ странъ противъ капитала. Поэтому и социалдемократія, какъ партія мира и демократіи, отличается по своему характеру отъ мелкобуржуазной демократіи въ ея героической періодъ. Но рабочей классъ только дальше развилъ и углубилъ ея политическія цѣли, отнюдь не отбрасывая ихъ. То же самое относится и къ идеѣ самостоятельности націй. Она неразрывно связана съ нашими международными и демократическими цѣлями и можетъ быть откинута только вмѣстѣ съ ними.

б) *Національная идея интеллигенціи.*

Иной характеръ, чѣмъ у живущихъ трудомъ своихъ рукъ классовъ, имѣетъ національное стремленіе интеллигенціи. Конечно, послѣдняя не составляетъ класса съ рѣзко выраженными классовыми интересами. Ея отдѣльные члены легко присоединяются къ другимъ классамъ, чьи интересы они представляютъ, къ капиталистамъ и аристократамъ съ одной стороны, къ мелкимъ буржуа и пролетаріямъ, съ другой. Какъ таковые, они раздѣляютъ національныя воззрѣнія класса, въ борьбѣ котораго принимаютъ участіе.

Чѣмъ больше растетъ слой интеллигенціи и дифференцируются ея профессіи, тѣмъ меньше можно въ наше время объединять ее, съ ея столь разнообразными и противорѣчивыми интересами, въ особый классъ или партію. То, что было еще возможно въ Средніе вѣка для католической церкви, то въ настоящее время немислимо.

Но, при всемъ различіи своихъ профессиональныхъ интересовъ, почти всѣ представители интеллигенціи, за исключеніемъ художниковъ и музыкантовъ, имѣютъ между собой то общее, что языкъ является орудіемъ ихъ труда, до известной степени ихъ средствомъ производства. Поэтому всѣ вопросы, касающіеся языка, пріобрѣтаютъ для нея особый интересъ, превалирующий надъ ея интересомъ къ демократіи. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда интересъ къ вопросамъ языка вызывается у нея не участіемъ въ мелкобур-

жуазномъ или пролетарскомъ движеніи для достиженія демократіи, когда ея побужденіями руководить чисто личный интересъ, языкъ имѣетъ для нея рѣшающее значеніе. Облациями приложенія труда интеллигента—будь то журналистъ или драматургъ, чиновникъ или адвокатъ, врачъ или учитель—являются тѣ области, въ которыхъ говорятъ на одинаковомъ съ ними языкѣ. Чѣмъ обширнѣе этотъ рынокъ, тѣмъ лучше его экономическое и общественное положеніе, тѣмъ обширнѣе кругъ его воздѣйствія. Это не всегда сознается каждымъ отдѣльнымъ интеллигентомъ, но это опредѣляетъ мышленія и чувствованія среды, въ которой онъ живетъ, а, слѣдовательно, и его собственныя. Чѣмъ больше его нація, тѣмъ сильнѣе, и крупнѣе его личное значеніе.

Ему поэтому недостаточно самостоятельности своей націи, для него столь же важны ея величина и ростъ.

Напротивъ, интересы другихъ націй для него совершенно безразличны. Онъ не можетъ на нихъ воздѣйствовать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ достигнетъ мірового признанія и начинаетъ переводиться на чужіе языки. Это не имѣетъ мѣста у массы интеллигенціи. Поэтому она легко выступаетъ прямо враждебно по отношенію къ другимъ націямъ тамъ, гдѣ ей кажется, что государственная власть даетъ возможность такимъ путемъ расширить область, въ которой господствуетъ ея родной языкъ. Это, на примѣръ, возможно въ государствѣ національностей путемъ соотвѣтствующаго преобразованія школьнаго дѣла; а въ національномъ государствѣ путемъ завоеванія сосѣднихъ областей, говорящихъ на чужомъ языкѣ, которыя она стремится принудить перемѣнить свою національность, т.-е. принять языкъ завоевателя.

Въ этомъ своемъ стремленіи интеллигенція одной націи сталкивается съ интеллигенціей другихъ національностей. Она ведетъ себя агрессивно по отношенію къ болѣе слабымъ націямъ и занимаетъ оборонительную позицію по отношенію къ болѣе сильнымъ. Современный способъ производства создаетъ даже въ состояніи длительного мира все новый матеріалъ для конфликтовъ, благодаря многочисленнымъ передвиженіямъ населенія, вызываемымъ имъ. Съ точки зрѣнія рабочей демократіи важно, чтобы эмигрирующие слои населенія получили возможность сношенія съ рабочими, которыхъ они встрѣчаютъ въ новомъ мѣстѣ, и чтобы имъ облегчена была возможность принять участіе въ политической борьбѣ новой своей родины. Это значитъ, что для нея важно, чтобы меньшинство изучало языкъ большинства.

Этому именно противодѣйствуетъ націонализмъ интеллигенціи той націи, къ которой принадлежатъ эмигрирующие

рабочіе. Рабочій, говорящій на чужомъ языкѣ, можетъ путемъ соглашенія со своимъ товарищами лучше понять и защищать свои классовые интересы, чѣмъ рабочій, не могушій объяснить со своими товарищами по классу. Но это грозитъ опасностью, что онъ предпочтетъ литературныя произведенія, написанныя на другомъ языкѣ, политиковъ врачей и т. п., говорящихъ на другомъ языкѣ, тѣмъ, которые говорятъ на его родномъ языкѣ. Этому слѣдуетъ помѣшать; отчужденность между собой рабочихъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ, слѣдуетъ сохранить. Для этой цѣли часто примѣняютъ насильственные средства разнаго рода.

Націонализмъ ограниченнаго интеллигента борется не за самостоятельность *всѣхъ* націй, но лишь за самостоятельность *собственной* націи. Всѣ другіе народы онъ разсматриваетъ только какъ средство для достиженія цѣли увеличенія своей націи; и отъ способа, которымъ отдѣльные чужіе народы могутъ служить этой цѣли, зависитъ, какую позицію займетъ онъ по отношенію къ нимъ. Такой образъ мыслей исключаетъ истинную международность, т.-е. одинаковый интересъ къ благу *всѣхъ* націй. Общая борьба за самостоятельность собственной націи или противъ бюрократическаго абсолютизма можетъ временно затушевать противорѣчіе этого образа мыслей съ міровоззрѣніемъ рабочей демократіи, по рано или поздно оно должно обнаружиться.

Столь же различна позиція, занимаемая интеллигенціей и рабочей демократіей по отношенію къ наднаціональному государству.

Вопросъ этотъ возникъ не сегодня. Онъ выдвинулся еще до наступленія господства крупнаго производства. Изъ международнаго характера рабочей демократіи сама собою вытекаетъ цѣль—поскольку демократія всюду будетъ достигнута, объединить различныя національныя республики въ постоянный союзъ, который, имѣя въ виду примѣръ Америки, называютъ Соединенными Штатами Европы. Во время перваго Интернаціонала какъ внутри, такъ и внѣ его, эта идея играла извѣстную роль.

Въ «Vorboten», органѣ международной рабочей ассоціаціи, редактировавшемся І. Ф. Беккеромъ, во второмъ номерѣ перваго года (февраль 1866) въ статьѣ «Къ разъясненію нашей задачи», говорилось:

«Союзъ народовъ есть союзъ равноправныхъ членовъ—товарищество, подобное свободному государству» (стр. 18).

Въ іюль того же года «Vorboten» опубликовалъ призывъ къ «рабочимъ всѣхъ странъ», подписанный между прочимъ Экаріусомъ, Юнгомъ, Лессперомъ и другими членами Ге-

нерального Совѣта Интернаціонала, въ которомъ заявлялось:

«Пролетаріи не имѣетъ отчества..... Да онъ призванъ осуществить грезу Анахарсиса Клоотса, защитника рода человѣческаго, онъ оснуетъ великую федерацію народовъ» (стр. 106).

Годъ спустя въ Швейцаріи одновременно засѣдали конгрессъ «Интернаціонала» въ Лозаннѣ и конгрессъ буржуазной «Лиги мира и свободы» въ Женевѣ.

«Vorbote» сообщаетъ объ этихъ конгрессахъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Международная рабочая ассоціація, насчитывающая сотни тысячъ человѣкъ, направила отъ имени своего конгресса въ Лозаннѣ посланіе къ конгрессу мира, въ которомъ обѣщаетъ ему энергичнѣйшую поддержку для уничтоженія постоянныхъ арміи, сохраненія мира и *созданія Европейскаго Союза свободныхъ государствъ*» (стр. 134).

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ «Vorbote» полемизируетъ съ «узостью и черствостью» буржуазнаго конгресса мира въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Нельзя конецъ ставить на мѣсто начала, нельзя грезить о мирѣ между народами..... пока силою не изгнано грубое насилие, пока не обезпечена свобода всѣмъ, пока не основана единая республика Германіи, Италіи, Франціи, Швейцаріи и другихъ государствъ и не создано Европейскаго Союза свободныхъ государствъ въ полной солидарности съ перманентнымъ конгрессомъ» (стр. 179).

Конечно, и Англія должна была войти въ союзъ, открытій для вступленія всѣмъ другимъ государствамъ, такъ что онъ въ концѣ концовъ могъ бы превратиться въ міровой союзъ.

Предпосылкой Соединенныхъ Штатовъ Европы считался европейскій переворотъ, переходъ всѣхъ европейскихъ государствъ къ республиканской формѣ правленія. Эта надежда потеряла крушеніе благодаря войнамъ 1866 и 1870 годовъ, которыя закончили вѣкъ буржуазныхъ переворотовъ, направленныхъ на завоеваніе демократіи и національной самостоятельности, инымъ путемъ, чѣмъ ожидали демократы. Вслѣдствіе этого и идея Соединенныхъ Штатовъ Европы пришла въ забвеніе. Но въ настоящее время, когда со стороны буржуазіи пропагандируется идея о наднаціональномъ средне-европейскомъ государствѣ, не лишнее вспомнить, какъ представляла себѣ наднаціональное государство рабочая демократія. Этотъ идеалъ не имѣетъ ровно ничего общаго съ проектируемой теперь Средней Европой.

Мы говорили уже, что повсюду интеллигенція вооду-

шевлена стремленіемъ къ расширенію своей націи. Это стремленіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше современные просвѣтительныя учрежденія создаютъ интеллигентовъ, которые, при данныхъ условіяхъ, не находятъ себѣ заработка въ пережившихъ себя рамкахъ націи. Поэтому расширеніе ея предѣловъ кажется имъ безспорнымъ высшимъ пунктомъ развитія. Расширеніе націи было не легко достижимо въ Европѣ въ мирное время. Сосѣднія національныя государства ставили серьезныя препятствія расширенію націи не только посредствомъ военнаго сопротивленія, но еще болѣе, если оно и преодолевалось, посредствомъ почти непобѣдимаго политическаго сопротивленія, которое оказывалъ всякому чужеземному господству народъ, привыкшій принимать дѣятельное участіе въ политической жизни.

Гораздо менѣе значительнымъ казалось сопротивленіе, котораго можно было ожидать отъ политически отсталыхъ народовъ, у которыхъ массы населенія еще не пробудились къ самостоятельной политической жизни. Употребляя выраженіе Оппенгеймера, колониальная завоевательная политика казалась линіей наименьшаго сопротивленія для стремленія интеллигенціи къ расширенію. Отсюда протекаетъ имперіалистическій энтузіазмъ интеллигенціи. Въ своей статьѣ въ «Neue Zeit» «Бисмаркъ и имперіализмъ» я указалъ на его иллюзорность, на то, какъ мало можетъ помочь ей имперіализмъ, насколько болѣе полезной была бы для нея культурная политика въ собственной странѣ, содѣйствующая матеріальнымъ и духовнымъ предпосылкамъ обобществленнаго производства.

Но какъ ни ошибочны имперіалистскія стремленія интеллигенціи, они экономически вполнѣ обоснованы и потому очень сильны, будучи вполнѣ «реальной» величиной въ политикѣ, съ которой приходится считаться.

Напротивъ того, стремленіе къ созданію европейскаго «Союза свободныхъ государствъ», «федерации народовъ», исходящее изъ среды рабочей демократіи, ничего общаго не имѣетъ съ стремленіями интеллигенціи. Она могла ими увлекаться въ то время, когда буржуазную демократію занимала еще борьба за политическую свободу и не могло быть и рѣчи о перепроизводствѣ интеллигенціи. Въ настоящее время она требуетъ не сближенія, но разграниченія народовъ. Ибо это сближеніе и паденіе границъ между народами приносить съ собой опасность, что та или другая граница будетъ уничтожена въ пользу того или иного языка, что союзъ равноправныхъ народовъ не дастъ ни одной изъ націй государственнаго преобладанія надъ другой и, слѣдовательно, не дастъ ей расширить область приложенія

силъ интеллигенціи какой-нибудь одной націи за счетъ прочихъ участниковъ союза.

Поэтому современная интеллигенція не желаетъ ничего слышать о такого рода «наднаціональномъ государствѣ». Она его рѣшительно отвергаетъ. «Наднаціональное государство», къ которому она стремится — это империалистическое государство, которое, въ свою очередь, долженъ отвергнуть пролетаріатъ, если онъ стоитъ на собственныхъ ногахъ. Сліяніе этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій въ одну путемъ изображенія ихъ обѣихъ въ качествѣ тенденціи къ тому же самому «наднаціональному государству» является величайшимъ смѣшеніемъ понятій, при которомъ всѣ кошки кажутся сѣрыми.

Къ чему въ самомъ дѣлѣ сводится стремленіе къ созданію Средней Европы? Это станетъ понятнымъ, если вспомнить о роли, которую въ современной колоніальной политикѣ играютъ «сферы вліянія». Прямая аннексія производитъ непріятное впечатлѣніе. Чтобы избѣжать его, предпочитаютъ политику «выдалбливанія», которая примѣняется, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ пустить пыль въ глаза не господствующимъ классамъ, а массамъ. Безъ особеннаго большого шума устанавливается соглашеніе съ прочими заинтересованными, чтобы та или другая область была предоставлена какому-нибудь государству для исключительной или, по крайней мѣрѣ, преимущественной эксплуатаціи и «мирнаго проникновенія». Такъ, напр., были опредѣлены сферы вліянія двухъ европейскихъ державъ въ Персіи, Маньчуріи и Монголіи тоже оказались «сферами вліянія», Франція взяла подъ свое покровительство Марокко и т. д. Все это происходило безъ какихъ бы то ни было аннексій и измѣненія географической карты.

Война даетъ теперь поводъ перенести эту систему изъ Азии и Африки въ Европу. И, въ сущности, въ этомъ именно смыслѣ Науманъ и его приверженцы понимаютъ идею Средней Европы. Она есть не что иное, какъ примѣненіе системы сферъ вліянія къ европейскимъ отношеніямъ.

Науманъ говоритъ по этому поводу:

«Итакъ, поскольку для насъ еще свѣтитъ солнце, мы должны питать мысль о вступленіи въ ряды міровыхъ хозяйственныхъ державъ перваго ранга. Для этого нужно присоединеніе другихъ средневропейскихъ государствъ и націй. Послѣднія, если исключить нѣмецкихъ братьевъ по крови, живущихъ въ Австріи и Венгріи, непосредственно не заинтересованы въ томъ, чтобы именно мы—нѣмцы—засѣдали въ верховномъ совѣтѣ міровой имперіи. Отъ нихъ нельзя требовать, чтобы они раздѣляли наши историческія чувства,

ибо у нихъ бьется сердце, сдѣланное изъ другого качества и матеріи. Передъ ними, съ ихъ точки зрѣнія, стоитъ вопросъ, предпочтительнѣе ли для нихъ принадлежать къ нѣмецкому мировому союзу, разъ имъ приходится выбирать между нѣмецкимъ, русскимъ или англійскимъ руководствомъ» (стр. 177, 178).

Выше Науманнъ говоритъ:

«Средняя Европа будетъ въ своей основѣ нѣмецкой; само собой разумѣется, она будетъ употреблять въ качествѣ языка сношеній нѣмецкій мировой языкъ, но съ первыхъ же дней своего существованія она должна обнаружить уступчивость по отношенію ко всѣмъ участвующимъ въ союзѣ народамъ и ихъ языкамъ» (стр. 101).

Мы видимъ, что наднаціональное государство Науманна представляетъ изъ себя нѣчто совершенно другое, чѣмъ тѣ «Соединенные Штаты Европы», которые поль-вѣка назадъ интересовали рабочую демократію.

Мы уже видѣли, что «Vorbote» представлялъ себѣ союзъ государствъ, къ которому стремился интернаціональ, какъ «союзъ равноправныхъ членовъ, федерацію одинаково свободныхъ обществъ». Онъ говорилъ далѣе:

«Ни одна нація не должна имѣть иного перевѣса, чѣмъ признаннаго за нею при установленіи союза за ея значеніе и прогрессъ, за ея интеллектуальные и матеріальные успѣхи.

Даже самой маленькой національности должно быть обезпечено навсегда самостоятельное существованіе».

Федерація свободныхъ народовъ должна быть также способной къ безграничному расширенію. Если раньше предполагали, что сперва въ ней объединятся только государства Западной Европы, то при этомъ исходили изъ допущенія, что эти государства ближе всего стоятъ другъ къ другу по уровню своего политическаго и экономическаго развитія и, какъ сосѣди, въ особенности способны къ общему разрѣшенію многихъ задачъ. Но развитіе политическаго и экономическаго прогресса должно толкать къ союзу свободныхъ государствъ все новые народы.

Совсѣмъ другія задачи ставятся въ настоящее время для Средней Европы. Государства, составляющія ее, не только должны объединиться подъ нѣмецкой гегемоніей, но и отгородиться отъ другихъ сосѣдей—Россіи и Англій.—Это послѣднее является даже важнѣйшей задачей.

Въ небольшихъ государствахъ не замѣтно ни малѣйшей склонности къ Средней Европѣ, въ особенности среди тѣхъ государствъ, которые будто бы больше всего должны выиграть отъ созданія наднаціональнаго государства, такъ какъ

они якобы больше всего страдаютъ отъ своей недостаточной величины и силы.

Характерна статья о «Средней Европѣ и Швейцаріи», которую помѣстилъ Ж. Сиггъ въ «Вѣнской рабочей газетѣ» отъ 26-го ноября. Онъ выражаетъ тамъ большое сочувствіе идеѣ, новаго «наднаціональнаго объединенія», къ которому могла бы примкнуть и Швейцарія. Маленькія государства могли бы отъ этого только выиграть. Но мысль, что они должны стать простымъ привѣскомъ къ нѣмецко-австрійскому союзу, ему не улыбается. Онъ полагаетъ:

«Планъ созданія надгосударственной организаціи для *всей Европы* или, по крайней мѣрѣ, для Средней Европы, включая и Англію, имѣетъ значительное преимущество передъ простымъ сближеніемъ Германіи съ Австро-Венгріей, такъ какъ, въ противоположность послѣднему, при своемъ осуществленіи онъ не сталкиваетъ между собой хозяйственныхъ линій развитія отдѣльныхъ странъ, но приноситъ всѣмъ имъ преимущества и создаетъ объединенную Европу, которая одна только сможетъ когда-ниб. противостоять, защищая свою культуру, натиску пробуждаемыхъ капитализмомъ отъ своего тысячелѣтняго сна народовъ Востока.

Съ такимъ наднаціональнымъ союзомъ можетъ довѣрчиво сблизиться и старѣйшая республика Европы».

Совершенно вѣрно. Равновѣсіе большихъ націй внутри этого союза дало бы маленькимъ защиту отъ насилій со стороны той или другой стороны. Но желаемый Сиггомъ наднаціональный Союзъ явился бы прямой противоположностью цѣли сторонниковъ Средней Европы, которая направлена непосредственно противъ Англіи. Въ сущности предложеніе Сигга вполне совпадаетъ съ «Сосдиненными Штатами Европы» 60-хъ годовъ, если отвлечься отъ не вполне понятной воинственной ноты, звучащей у Сигга по отношенію къ Востоку, отъ котораго народы Европы должны защищать свое сокровенное достояніе. До сихъ поръ только Европа угрожала китайской и индійской культурѣ; о противоположномъ не было ничего слышно. И ничто не говоритъ за то, чтобы Индія, Китай, Японія и страны Ислама когда-нибудь стали вести войну со всею Европой, даже если они когда-нибудь, подъ вліяніемъ капитализма, усилятся и будутъ склонны къ самостоятельнымъ военнымъ выступленіямъ. Они при этомъ должны были бы такъ же расколотся, какъ была расколота до сихъ поръ Европа и какой она вѣроятно останется, пока въ ней будутъ господствовать капиталистическіе интересы. Во всякомъ случаѣ это отдаленное будущее Азіи не можетъ оказывать никакого вліянія на требованіе сегодняшняго дня объ образованіи Соединен-

ныхъ Штатовъ Европы. Мы нуждаемся въ нихъ не для того, чтобы вести войну съ Азіей, а для того, чтобы поддерживать прочный миръ въ Европѣ.

Предполагаемая Средняя Европа во всякомъ случаѣ не годится для этой послѣдней цѣли. Она придумана скорѣе какъ орудіе войны, чѣмъ какъ орудіе мира. Въ книгѣ Науманна общность окоповъ играетъ столь же большую роль, какъ и общность торговли. Онъ совершенно серьезно требуетъ, чтобы новое среднеевропейское государство еще во время мира, на востокъ и на западъ, рѣзко отгородиться окопами отъ сосѣднихъ государствъ.

«Не слѣдуетъ думать, что сейчасъ же по окончаніи этой войны начнется долгій юбилейный годъ вѣчнаго мира.... Окопы станутъ основной формой защиты родины. Политика окоповъ состоитъ въ томъ, что каждое государство опредѣляетъ, какія границы оно должно привести въ состояніе окоповъ.... Послѣ войны пограничныя укрѣпленія должны быть возведены всюду, гдѣ представляется возможность войны. Возникнуть новые римскіе валы, новыя китайскія стѣны изъ земли и проволоки... Европа получитъ два длинныхъ вала съ сѣвера до юга, изъ которыхъ одинъ протянется гдѣ-нибудь отъ Нижняго Рейна до Альповъ, другой отъ Курляндіи, вправо или влѣво отъ Румыніи... Должны быть возведены длинные окопы, пересчитаны, наполнены людьми. Такимъ только путемъ будетъ создана Средняя Европа, или ея объединеніе станетъ невозможно на все предвидимое время» (стр. 7, 8).

«Военное государство должно выйти за территоріальные предѣлы національныхъ государствъ и включить въ себя общность окоповъ» (стр. 254).

Общность окоповъ, наднаціональное военное государство, отгороженное посредствомъ рвовъ, проволоки и пулеметовъ съ Востока и Запада — такой видъ имѣютъ Соединенные Штаты Европы, о которыхъ мечтаетъ въ настоящее время наша интеллигенція!

с) Національная идея капиталистовъ.

Въ тѣсной связи съ національными и наднаціональными стремленіями интеллигенціи находятся стремленія капиталистовъ. Но они не цѣликомъ совпадаютъ, такъ какъ область полученія прибыли не покрывается областью языка.

Подобно интеллигенціи и рабочимъ, капиталисты заинтересованы въ самостоятельности своей націи и въ національномъ государствѣ. Повсюду имъ приходится остерегаться того, чтобы не быть отстраненными или хотя бы оттѣснен-

ными капиталистами другой націи отъ господства въ государствѣ, въ которомъ они живутъ и ведутъ свои дѣла. Тамъ, гдѣ бюрократія стѣсняетъ развитіе производительныхъ силъ, капиталисты въ извѣстной степени заинтересованы и въ вопросѣ о политической свободѣ.

Но они далеко не въ такой мѣрѣ, какъ интеллигенція, придають значеніе тому, чтобы ихъ рабочіе принадлежали къ ихъ національности. Рѣшающее значеніе имѣетъ для нихъ прибавочная цѣнность, которую производитъ рабочій, а не языкъ, на которомъ онъ говоритъ. Говорящій на чужомъ языкѣ часто для нихъ болѣе желателенъ, если онъ дешевле или производитъ больше прибавочной цѣнности. Они при извѣстныхъ условіяхъ всѣми средствами содѣйствуютъ эмиграціи чужеземныхъ рабочихъ, которая угрожаетъ уничтожить границы языка и приводитъ въ отчаяніе интеллигенцію ихъ національности.

Чужеземецъ, напримѣръ чешскій рабочій, если онъ не сильнѣе нѣмецкаго, конечно, предпочтетъ въ мѣстности со смѣшанными языками не только врача и адвоката, поскольку онъ нуждается въ ихъ помощи, собственной національности, но и скорѣе будетъ посѣщать, въ качествѣ потребителя, купца и трактирщика, говорящихъ на его языкѣ. Съ другой стороны, не только чешскіе врачъ и адвокатъ, но и чешскій купецъ и трактирщикъ въ мѣстности, населенной и чехами и нѣмцами, съ неудовольствіемъ смотрятъ на то, что чешскіе рабочіе начинаютъ говорить по-нѣмецки, такъ какъ въ этомъ видятъ побѣду нѣмецкой конкуренціи. Въ такихъ случаяхъ интересы капиталистовъ и интеллигенціи совпадаютъ, въ противоположность къ интересамъ рабочихъ. Послѣдніе же, въ качествѣ потребителей, выигрываютъ отъ того, что говорятъ на обонхъ языкахъ, получая, благодаря этому, болѣе свободный выборъ среди конкурентовъ. Они выигрываютъ также въ качествѣ участниковъ классовой борьбы, такъ какъ они лучше могутъ сговориться со своими товарищами по классу, говорящими на другомъ языкѣ, не говоря уже о расширеніи своего умственного горизонта, пріобрѣтаемаго каждымъ человѣкомъ благодаря изученію чужого языка.

Однако, указанные здѣсь интересы и выгоды, какое бы вліяніе не оказывали они въ борьбѣ національностей, являются преимущественно интересами мелкихъ капиталистовъ. Для крупнаго капитала они не имѣютъ такого значенія.

Вмѣстѣ съ интеллигенціей крупный капиталъ добывается постояннаго расширенія своего рынка. На опредѣленной ступени развитія это ведетъ къ стремленію расширить территорию своего государства. На этомъ пути имперіалисти-

ческія склонности интеллигенціи встрѣчаются съ подобными же склонностями капиталистовъ.

Но, подобно многимъ другимъ капиталистическимъ стремленіямъ, и это стремленіе развивается путемъ крупныхъ противорѣчій.

Ибо капиталъ въ началѣ для своего развитія нуждается не только во внутреннемъ, но и во внѣшнемъ рынкѣ. На томъ и на другомъ онъ ищетъ расширенія своего сбыта, и иногда для него увеличеніе внѣшняго рынка важнѣе, чѣмъ расширеніе внутренняго; представители капитала часто находятся во взаимномъ противорѣчій. Одни могутъ требовать покровительственныхъ пошлинъ, другіе свободы торговли. Расширеніе внутренняго рынка посредствомъ империалистическаго расширенія территорій государства вызываетъ вооруженія, военную опасность и войны. Укрѣпленіе и расширеніе сбыта на мировомъ рынкѣ нуждается въ мирѣ и дешевыхъ условіяхъ производства, т.-е. въ небольшихъ налогахъ. Въ свою очередь, вырастающія на почвѣ внутренняго рынка вооруженія означаютъ все растушій рынокъ для военной промышленности и т. д.

Поэтому экономическая политика буржуазіи совсѣмъ не отличается единообразіемъ: въ зависимости отъ того, какіе интересы среди нея преобладаютъ, она въ различныхъ странахъ и въ различное время очень различна. Интересы прибыли могутъ при этомъ совпадать съ тѣми національными интересами, за которые борется интеллигенція, но могутъ также и отличаться отъ нихъ. Если, на примѣръ, въ государствѣ національностей промышленность одной національности работаетъ на внутренней рынокъ всего государства въ цѣломъ, то она, конечно, будетъ бороться съ стремленіемъ къ отдѣленію своей націи отъ этого государства и ея организаціи въ самостоятельное небольшое государство, сколько бы ни мечтала объ этомъ интеллигенція. Нѣкоторымъ государствамъ національностей это обстоятельство можетъ придать очень прочную связь.

Съ другой стороны, классъ капиталистовъ какой-нибудь страны не будетъ склоненъ потерять господство на внутреннемъ рынкѣ, которое онъ уже приобрѣлъ, вслѣдствіе того, что его государство образуетъ высшую государственную единицу съ другимъ одинаковымъ или даже превосходящимъ его государствомъ. Только тамъ, гдѣ онъ стоитъ на почвѣ свободной торговли, онъ можетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, считать выгоднымъ объединеніе своего государства съ другимъ государствомъ.

Британскій союзъ государствъ нашелъ опору не только

въ общности языка, но и въ свободѣ торговли, которая практиковалась его руководящимъ государствомъ.

Интересы прибыли, имѣющіе совершенно иной видъ на внутреннемъ, чѣмъ на внѣшнемъ рынкѣ, толкаютъ иногда капиталъ къ столь же агрессивному и исключительному націонализму, какъ и у ограниченной части интеллигенціи. При другихъ условіяхъ, тотъ же интересъ влечетъ капиталистовъ къ свободѣ торговли, миру и сближенію между народами.

Въ послѣднемъ случаѣ національныя и интернаціональныя тенденціи капиталистовъ могутъ получать нѣкоторыя точки соприкосновенія съ тенденціями рабочей демократіи. Но у капиталистовъ это только фаза развитія, преходящее и зависящее отъ опредѣленныхъ условій временное явленіе, тогда какъ у рабочихъ это является постоянной тенденціей, вытекающей изъ ихъ классового положенія и потому постоянно вновь возникающей, даже если временами катастрофы и затемняютъ самостоятельность ихъ мышленія.

При особо благоприятныхъ условіяхъ самостоятельныя капиталистическія государства уже въ настоящее время могли бы добровольно образовать тѣсный союзъ между собой. Но это было бы возможно только на основѣ свободы торговли и демократіи.

Тамъ и постольку, гдѣ и поскольку въ классѣ капиталистовъ преобладаютъ имперіалистическія тенденціи, союзъ свободныхъ государствъ на основѣ полнаго равноправія всѣхъ невозможенъ, и стремленія крупнаго государства къ союзу государствъ могутъ служить только ширмой для имперіалистическихъ вождедѣній къ пріобрѣтенію новыхъ сферъ вліянія, при которомъ уничтожаются мелкія государства, именно тѣ, которыя будто бы выигрываютъ отъ вступленія въ крупный организмъ.

Съ другой стороны, таможенный союзъ двухъ государствъ, стоящихъ на почвѣ покровительственныхъ пошлинъ, наталкивается на величайшія трудности; если бы даже удалось ихъ преодолѣть, что невѣроятно, то возникаютъ еще большія затрудненія при урегулированіи торговыхъ сношеній съ остальными державами. Мы привели уже многочисленныя доказательства препятствій, стоящихъ на пути союзу не только Германской Имперіи съ Австрійской. Эти затрудненія будутъ все выростать, по мѣрѣ того, какъ идея изъ тумана смутныхъ ожиданій будетъ претворяться въ дѣйствительность.

О Средней Европѣ, какъ прочномъ союзѣ государствъ, осуществляемомъ нынѣ дѣйствующими факторами, не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ оста-

ваться равнодушными къ этой идеѣ. Ибо она съ внѣшней стороны имѣетъ нѣкоторое сходство съ той цѣлью междуна-роднаго союза свободныхъ государствъ, которая сама со-бою вытекаетъ изъ сущности международныхъ стремленій рабочей демократіи, хотя она и не была выразительно вы-двинута Интернаціоналомъ.

Цѣли и тенденціи, которымъ служить Средняя Европа, противорѣчатъ цѣлямъ и тенденціямъ рабочей демократіи. Вслѣдствіе внѣшняго сходства Средней Европы съ «федераціей свободныхъ государствъ» можетъ случиться, что про-летаріатъ будетъ использованъ для цѣлей, которымъ онъ долженъ былъ бы противодѣйствовать, если бы онъ ихъ по-нималъ. Среднеевропейскій союзъ государствъ не будетъ въ ближайшее время осуществленъ. Но достаточно того, чтобы пролетаріи Германіи и Австріи вступили на этотъ путь и пошли по нему подъ буржуазнымъ руководитель-ствомъ, чтобы они въ важнѣйшіе и рѣшительные моменты грядущей исторіи отклонились отъ своихъ собственныхъ настоятельныхъ задачъ и стали въ сторонѣ отъ междуна-роднаго объединенія.

Думая, что они служатъ сближенію народовъ, они бу-дутъ содѣйствовать обособленію своего народа отъ сосѣдей на Востокѣ и Западѣ; они будутъ надѣяться понизить пли сбросить таможенную стѣну, а въ дѣйствительности помо-гутъ создать болѣе высокую стѣну и новыя таможенные войны. И считая одной изъ своихъ важнѣйшихъ задачъ обезпеченіе мира между народами, они легко смогутъ дать поддержку соглашеніямъ о новыхъ поводахъ къ войнѣ.

Вотъ почему рабочіе должны отвергнуть идею средне-европейскаго союза государствъ, поскольку ея защитниками являются носители агрессивнаго и исключительнаго націо-нализма, имперіалисты и сторонники покровительственныхъ пошлинъ, а только при ихъ поддержкѣ могла бы быть осу-ществлена эта идея.

Настоящая фаза имперіализма вовсе не должна быть послѣдней формой проявленія капитализма. Марксъ нѣкогда въ «Нищетѣ философій» сказалъ, что конкуренція порождаетъ монополію, а монополія конкуренцію. Развитие совер-шается не по прямой линіи, а діалектически, т.-е. путемъ противорѣчій.

Такъ меркантилизмъ породилъ свободу торговли, а по-слѣдній имперіализмъ. Не исключена возможность, что за послѣднимъ снова наступитъ новая эра капитализма при условіяхъ, которыя сдѣлаютъ возможнымъ союзъ государствъ, подобный средневропейскому, на основѣ добровольнаго

вступленія въ него его членовъ, и обезпечать его прочное и благотворное функционированіе.

Но эта возможность еще слишкомъ неопредѣленна и смутна, даже не очень вѣроятна. Она въ настоящее время можетъ только постольку оказывать на насъ вліяніе, постольку она предписываетъ намъ не отвергать принципиально идеи «Соединенныхъ Штатовъ Европы» или даже хотя бы Средней Европы, такъ какъ еще въ предѣлахъ капиталистическаго періода можетъ наступить время, когда можетъ будетъ выступить на ея защиту.

Напротивъ того, то, что намъ предлагается въ настоящее время подъ этимъ названіемъ, должно быть рѣшительно отвергнуто.

6. Нація и будущее общество.

Если бы даже средневропейскій союзъ государствъ осуществился, онъ могъ бы быть только переходной стадіей. Ибо тѣ самыя тенденціи, которыя одни только въ состояніи помочь ему осуществиться, должны были бы толкать его къ постоянному расширенію въ направленіи къ міровому союзу. И онъ могъ бы осуществиться только тогда, когда общественныя силы были бы настолько развиты, что общество стояло бы уже наканунѣ перехода въ высшую фазу развитія.

Въ будущемъ же обществѣ національныя и международныя проблемы должны принять совсѣмъ новый видъ.

Мы уже видѣли, какъ различные классы: капиталисты, интеллигенція, пролетаріи—развиваютъ различную національную политику. Съ исчезновеніемъ класса капиталистовъ и обособленнаго классоваго положенія интеллигенціи прекратить свое существованіе и ея агрессивный и исключительный націонализмъ.

Что классъ капиталистовъ—не персонально, конечно—перестанетъ существовать въ будущемъ обществѣ, ясно само собой. Но и интеллигенція перестанетъ тамъ быть особымъ общественнымъ классомъ. Въ будущемъ обществѣ каждый рабочій будетъ имѣть матеріальныя средства и достаточно досуга, чтобы получить высшее общее образованіе. Это образованіе перестанетъ быть привилегіей особаго класса и такимъ образомъ потеряютъ свое основаніе общественныя преимущества интеллигенціи. Если послѣднія уничтожатся и одновременно улучшатся условія труда и жизни, а также увеличится и общественное уваженіе къ физическому работнику настолько, что его профессіи будутъ столь же привлекательными, какъ и профессіи интеллигенціи, то и тяготѣніе къ послѣднимъ ограничится тѣми, кто къ нимъ имѣетъ особенную склонность. Новое поколѣніе, уже по чисто педагогическимъ и гигиеническимъ соображеніямъ, вѣроятно, будетъ воспитываться одинаково способнымъ къ физической и умственной работѣ, и новый способъ производства будетъ покоиться на комбинированіи обоихъ. Сей-

часть нельзя еще предвидѣть, въ какой мѣрѣ при этомъ сохранится профессиональное раздѣленіе труда между умственнымъ и физическимъ рабочимъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ раздѣленію, какъ обособленныхъ классовъ, будетъ положенъ конецъ.

Если исчезнетъ привилегированное положеніе капиталистовъ и интеллигенціи, то тѣмъ самымъ прекратятся и національныя противорѣчія, ибо въ потребности къ національному самоопредѣленію, которая сохранится, не заключается ничего, что могло бы ставить одну націю въ противорѣчіе къ другой. Вытекающая изъ мірового хозяйства необходимость международнаго сотрудничества въ духовномъ и матеріальномъ производствѣ сможетъ тогда совершенно безпрепятственно содѣйствовать все болѣе тѣсному союзу націй.

Союзъ народовъ, а слѣдовательно и вѣчный миръ, станутъ тогда не только возможны, но и получать подъ собою прочную почву.

Мы можемъ работать въ пользу этого мира еще въ предѣлахъ современнаго общества, и неумѣстна насмѣшка надъ этимъ, какъ надъ неисполнимой утопіей. Даже если бы удалось фактически добиться того, чтобы настоящая война была послѣдней, все же миръ былъ бы ненадежнымъ, ибо сохранились бы сильныя тенденціи, могущія породить все новыя войны, пока существуютъ капиталистическія отношенія, и пока отъ соотношенія силъ, которыя заранѣе нельзя учесть, зависитъ, удастся ли въ каждомъ данномъ случаѣ одержать верхъ надъ причинами, толкающими къ войнамъ. Въ высшей степени бесплодно и даже вредно заранѣе объявлять, что стремленія къ поддержанію мира должны и въ будущемъ всегда терпѣть пораженіе, до наступленія будущаго общества. Скорѣе слѣдуетъ сдѣлать все зависящее, чтобы еще при современныхъ отношеніяхъ съ возможно болѣею силой дать выраженіе этому стремленію. Съ другой стороны, было бы въ высшей степени преждевременно, если бы мы стали ручаться за обезпеченіе мира, пока существуютъ эти отношенія.

Только въ будущемъ обществѣ поддержаніе мира всего міра перестанетъ быть тѣмъ, что должно быть завоевываемо и что зависитъ отъ мнѣняющагося и не поддающагося учету соотношенія общественныхъ силъ. Только въ этомъ обществѣ оно станетъ само собой разумѣющимся слѣдствіемъ самого существующаго общественнаго строя.

Въ этомъ направленіи будетъ дѣйствовать не только то, что капиталисты и интеллигенція перестанутъ быть особымъ общественнымъ классомъ и благодаря этому исчез-

нуть національныя противорѣчія, но и самое измѣненіе сущности государства.

Пока существуютъ различные классы, государство является организаціей господства. Въ той мѣрѣ, въ какой исчезаютъ классовыя различія, эти его функціи все болѣе уничтожаются и остаются только его функціи, какъ органа управленія. Послѣднія зато сильно растутъ.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ характера государства измѣняется также характеръ его границъ. Изъ ограниченія области господства они все болѣе опредѣляются областью управленія. И такъ какъ можно предвидѣть, что свободныя государства соорганизуются при новомъ способѣ производства въ международный союзъ государствъ, то вслѣдствіе этого прекратится и абсолютный суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ. Каждое изъ нихъ будетъ составлять только часть крупнаго цѣлаго, которое въ состояніи будетъ разрѣшить всѣ разногласія, которыя еще смогутъ внутри его возникнуть. Какой бы видъ эти разногласія не приняли, они будутъ очень незначительны по сравненію съ возможными нынѣ.

Если будутъ возникать спорные вопросы изъ-за границъ, то отъ этого ничья власть не будетъ ни умаляться, ни увеличиваться, и безопасность ни одного народа не будетъ подвергнута угрозѣ или нарушена. Эти спорные вопросы будутъ тогда вызываться не столкновеніями различныхъ общественныхъ силъ, но соображеніями цѣлесообразности управленія, какъ это въ настоящее время бываетъ со спорами изъ-за границъ между общинами, которыя внутри государства уже теперь являются не учрежденіями господства, поскольку они не выполняютъ порученій государства, а лишь органами управленія. Даже вопросы языка перестанутъ при такихъ условіяхъ быть проблемами господства и станутъ вопросами простой цѣлесообразности. Вопросъ о языкѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ—отойдетъ въ вѣдѣніе чистой юстиціи, вопросъ о языкѣ на уличныхъ табличкахъ—въ вѣдѣніе полиціи сношеній и т. д.

Въ то же время, благодаря международнымъ сношеніямъ, подвинется впередъ смѣшеніе націй.

Конечно, эмиграція, вызываемая необходимостью, не прекратится. Раньше мальтузианцы опасались, что будущее общество должно будетъ погибнуть изъ-за перенаселенія и сможетъ только временно сохранить свою жизнеспособность посредствомъ эмиграціи. Мы, конечно, еще не можемъ знать

закона населенія будущаго общества, но ничто не говоритъ за то, что въ немъ обнаружится увеличеніе населенія, которое пойдеть быстрѣе, чѣмъ ростъ производительности труда вслѣдствіе технического прогресса.

Тѣмъ не менѣе, въ будущемъ обществѣ, даже если оно не породитъ перенаселенія, конечно, произойдутъ большія передвиженія населенія. Капиталистическій способъ производства, руководствующійся только интересами прибыли, скопляетъ массы въ немногихъ пунктахъ и обезлюживаетъ обширныя территоріи. Будущее общество будетъ склонно и окажется достаточно способнымъ для того, чтобы произвести въ данномъ отношеніи нѣкоторое выравниваніе, руководясь соображеніями производительности, гигиены и даже эстетики. Этотъ процессъ можетъ вызвать большія измѣненія въ націяхъ.

При этомъ всеобщее благосостояніе и развитіе средствъ сообщенія въ огромной степени облегчатъ путешествія и странствованія, которыя уже и въ настоящее время быстро увеличиваются отъ десятилѣтія къ десятилѣтію и содѣйствуютъ смѣшенію націй между собой. Въ томъ же направленіи будетъ вліять столь важный факторъ, какъ высшее образованіе, которое станетъ всеобщимъ вслѣдствіе матеріальнаго благосостоянія и короткаго рабочаго дня массъ.

Такимъ образованіемъ уже въ древнія времена было знаніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ двухъ міровыхъ языковъ того времени—латинскаго и греческаго. Уже тогда образовалась международная культура, позднѣе распавшаяся на три области: западное—латинское христіанство, греческую, церковь и магометанство, которыя развивались и расширялись отдѣльно. Каждая изъ трехъ этихъ областей выработала свою особую культуру, но послѣдняя не была національной культурой. Было бы совершенно неправильно національныя различія внутри каждой изъ этихъ культуръ разсматривать, какъ различіе ихъ культуръ, а національную общность при этихъ условіяхъ, какъ культурную общность, а не какъ общность языка.

Народы христіанскаго культурнаго міра выработали для себя культурную общность, внутри которой естественно существовали культурныя подраздѣленія; послѣднія, однако, внутри отдѣльныхъ большихъ націй рѣзче отличались между собой, чѣмъ между сосѣдними областями различной національности.

Международная общность этого культурнаго міра выражалась въ сохраненіи для его культурныхъ цѣлей пережившаго его мірового языка—латинскаго. Всякій образованный человѣкъ зналъ его.

Внутренняя связь и общность европейской культуры со времени средних вѣковъ не уменьшилась, скорѣе даже увеличилась, но въ ходѣ экономическаго развитія образованіе, связанное съ умѣніемъ читать и писать, перестало быть привилегіей небогачей касты. Все болѣе широкіе народныя слои принимали въ немъ участіе. Такимъ образомъ, несмотря на растущія международныя сношенія, мѣсто одного міроваго языка образованныхъ группъ населенія все болѣе занимали народныя языки, служившіе сперва только для цѣли изящной литературы и политики, а потомъ и науки. Но потребность въ міровомъ языкѣ осталась. Когда латинскій языкъ пересталъ быть языкомъ сношенія между образованными людьми, его мѣсто занялъ французскій, языкъ самаго сильнаго и блестящаго государства Европы, ставшій образцомъ для всѣхъ государствъ.

Съ паденіемъ Наполеона прекратилось господствующее положеніе какъ Франціи, такъ и ея языка. Или, вѣрнѣе, рядомъ съ ними завоевали себѣ міровое положеніе еще два міровые языка: англійскій, благодаря выдающемуся экономическому положенію Англій въ прошломъ столѣтіи, и нѣмецкій—языкъ народа поэтовъ и мыслителей, а въ восточной Европѣ и торговцевъ.

Потребность въ единомъ міровомъ языкѣ, объединяющемъ всѣхъ образованныхъ людей и дѣлающемъ возможнымъ безъ всякихъ препятствій ихъ сношенія между собой, при этомъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Такъ какъ преимущество языка въ настоящее время не только оказываетъ вліяніе на положеніе націи, говорящей на немъ, но, въ свою очередь, укрѣпляетъ и усиливаетъ это преимущество, то всякая попытка сдѣлать какой-либо изъ существующихъ языковъ міровымъ языкомъ, встрѣчаетъ значительное сопротивленіе. Отсюда стремленіе создать нейтральный, искусственный міровой языкъ.

Каковы бы ни были конечныя результаты этихъ стремленій, въ будущемъ обществѣ поднятіе одного изъ существующихъ уже языковъ на степенъ міроваго языка во всякомъ случаѣ встрѣтитъ гораздо меньше препятствій, чѣмъ въ настоящее время. И этотъ языкъ станетъ, подобно латинскому, не только языкомъ спеціально международной культурной среды, но и языкомъ всего міра. Гораздо важнѣе, что онъ станетъ въ то же время не только языкомъ маленькой касты, но языкомъ, доступнымъ повсюду всей народной массѣ, потому что вся она въ цѣломъ получитъ участіе въ высшемъ образованіи.

Если мы пойдемъ такъ далеко, то всякій человѣкъ, гдѣ бы онъ ни находился, сумѣетъ объясниться съ мѣстнымъ

населеніемъ, принять участіе въ его работахъ, въ его общественныхъ и политическихъ стремленіяхъ.

Благодаря этому вопросъ о національномъ государствѣ пріобрѣтетъ другое значеніе и видоизмѣнится. Этотъ вопросъ для пролетаріата не есть вопросъ національной культуры—съ этимъ неопредѣленнымъ словомъ не связывается обыкновенно никакого опредѣленнаго понятія. Современныя націи раздѣляютъ не особенности ихъ культуры, а только языкъ. И только вслѣдствіе вопроса о языкѣ національное государство пріобрѣтаетъ для рабочей демократіи значеніе, такъ какъ она можетъ въ полной мѣрѣ принимать участіе въ политической жизни и социальномъ движеніи только тамъ, гдѣ языкъ массъ является въ то же время языкомъ законодательства и властей и гдѣ массы не раздѣлены между собою языкомъ.

Даже внутри пролетарскихъ организацій, гдѣ исключены всякія отношенія господства, тѣ пролетаріи, которые не владѣютъ обычнымъ языкомъ дѣловыхъ сношеній, чувствуютъ себя обдѣленными. Надо предоставить каждому говорить на своемъ языкѣ, но тамъ, гдѣ большинство его не понимаетъ, результатъ получается тотъ же самый, какъ если бы его лишили слова.

Трудящіяся массы въ настоящее время рѣдко имѣютъ возможность изучать иностранные языки и владѣть ими. Они ограничены въ своемъ просвѣщеніи, какъ и въ отстаиваніи своихъ интересовъ, своимъ роднымъ языкомъ.

Это и въ будущемъ можетъ представить на международныхъ съѣздахъ большія трудности. Уже существовавшій до сихъ поръ способъ веденія преній на трехъ мировыхъ языкахъ былъ въ высшей степени затруднителенъ. Едва ли было бы возможно прибавить къ нимъ еще другіе языки. До сихъ поръ это не было такъ настоятельно необходимо, пока главная масса участниковъ рекрутировалась изъ делегатовъ англо-саксонскихъ, романскихъ и нѣмецкихъ странъ. И, однако, уже и до сихъ поръ для очень большого числа делегатовъ международныхъ съѣздовъ участіе въ преніяхъ было очень затруднено вслѣдствіе недостаточнаго знанія языка.

Любопытенъ слѣдующій инцидентъ на конгрессѣ въ Гаагѣ (1872 г.), на которомъ шли очень оживленныя пренія. Нѣкоторые изъ присутствующихъ французовъ и, въ особенности, испанцы постоянно вставляли свои возгласы и дѣлали заявленія къ порядку дня, которыя невозможно было переводить. Тогда группа англійскихъ депутатовъ заявила слѣдующій протестъ:

«Нижеподписавшіеся члены конгресса протестуютъ про-

тивъ того, что большинство участниковъ конгресса, говорящихъ на другомъ языкѣ, не считается совершенно съ правами тѣхъ членовъ, которые понимаютъ только по англійски. Трудность, граничащая съ невозможностью, слѣдить за преніями и информироваться относительно обсуждаемаго вопроса сводить ни къ чему нашу делегацію и превращаетъ наше присутствіе въ комедію».

По мѣрѣ того, какъ рабочее движеніе будетъ распространяться изъ своихъ первоначальныхъ главныхъ очаговъ на востокъ, и чѣмъ больше оно будетъ захватывать не однихъ только интеллигентовъ, но и трудящіяся массы, будутъ возникать все большія затрудненія. Съ востока только въ рѣдкихъ случаяхъ на международные конгрессы смогутъ пріѣзжать рабочіе вмѣсто интеллигентовъ и ихъ работа будетъ наталкиваться на очень значительныя препятствія.

Всѣ подобныя затрудненія прекратятся совершенно, какъ только міровой языкъ станетъ языкомъ массъ во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ.

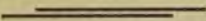
Это значитъ не то, что другіе языки исчезнутъ, а только то, что ихъ функціи измѣнятся. Они займутъ по отношенію къ міровому языку положеніе, сходное съ тѣмъ, какое занимали національные языки по отношенію къ латинскому или какое занимаютъ въ настоящее время діалекты по отношенію къ литературному языку. Подобно послѣднимъ, они будутъ продолжать существовать, какъ языки семьи, устныхъ мѣстныхъ сношеній и изящной литературы. Только языкъ, на которомъ воспринимаешь всѣ впечатлѣнія съ ранней юности со всѣмъ ея окружающимъ, даетъ намъ ту силу, ту тонкость оттѣнковъ, то разнообразіе впечатлѣній, въ которыхъ возникаетъ потребность, если хочешь развивать не только абстрактныя понятія, но и передавать всю полноту конкретной жизни. Политику и науку можно вести и на языкѣ, изученномъ при помощи школы; художественное произведеніе, по общему правилу, можно творить только на родномъ языкѣ. Въ этихъ своихъ функціяхъ національные языки, по крайней мѣрѣ насколько можно предвидѣть, еще долго сохранятся. Въ хозяйственныхъ сношеніяхъ, въ наукѣ и въ міровой политикѣ они будутъ замѣнены міровымъ языкомъ, не только для тонкаго слоя интеллигенціи какъ до сихъ поръ, но и для народныхъ массъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожатся условія, влияющія въ настоящее время въ томъ направленіи, что національное государство или, по крайней мѣрѣ, національная автономія въ государствахъ національностей является необходимыми для функціонированія демократіи. Национальное государство

станеть тогда столь же мало необходимымъ для демократіи, какъ въ настоящее время необходимо самостоятельное государство изъ людей, говорящихъ на нижненѣмецкомъ нарѣчій. Разграниченіе округовъ управленія общественнаго организма можетъ тамъ, гдѣ этого потребуютъ соображенія цѣлесообразности, производиться совершенно независимо отъ границъ языка, безъ угрозы или вреда для чьихъ бы то ни было интересовъ.

Тогда только начнется истинное гражданство міра и падутъ послѣднія линіи, раздѣляющія націи, исчезнутъ не только военные исходы національныхъ противорѣчій, но въ концѣ-концовъ и послѣдній слѣдъ этихъ послѣднихъ.

.

Поступили въ продажу новыя книги:

А. Н. Потресовъ. «Война и вопросы международнаго демократическаго сознанія», вып. I. Цѣна 75 коп. Издательство бывш. М. В. Попова. Петроградъ.

А. Н. Потресовъ. «Двѣ линіи демократической политики», издат. «Книга». Цѣна 70 коп. Петроградъ.

Продолжается подписка на новый двухнедельный журналъ

„ДѢЛО“

издающійся при ближайшемъ участіи **П. П. Маслова,**
Л. И. Ортодоксъ и А. Н. Потресова.

Журналъ будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ
книжками по 5 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На 1 годъ съ пересылкой—9 р., на полгода—4 р. 50 к.,
на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—80 к. Цѣна отдѣльной
книжки въ розничной продажѣ—55 к.

Подписная цѣна до конца 1916 г. (10 №№) — 3 руб. 75 коп.

За границу: на 1 годъ съ пересылкой—12 р., на полгода—6 р., на 3 мѣс.—5 р.,
на 1 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р. 10 к.

При непосред. обращ. въ Главную Контору для учащихся въ высш. уч. зав., нар.
учит., крестьянъ и рабочихъ допускается льготная подписка: на 1 годъ—8 р., на
полгода—4 р., на 3 мѣсяцевъ—3 р. 25 к., на 3 мѣсяца—2 р., на 1 мѣсяць—70 к.

Перемѣна адреса — 40 коп.

Въ срединѣ октября выйдетъ въ томъ же издательствѣ № 1-ый
новаго научнаго журнала

„Экономическое Обозрѣніе“,

при ближайшемъ участіи **П. П. Маслова.**

Журналъ ставитъ своей задачей изслѣдованіе и освѣщеніе различныхъ сторонъ
народнаго и міроваго хозяйства и социальной политики съ точки зрѣнія интере-
совъ широкихъ слоевъ населенія.

Журналъ будетъ выходить пять разъ въ году: въ сентябрѣ, ноябрѣ, январѣ,
мартѣ и маѣ книжками по 10—12 печатныхъ листовъ.

Подписка принимается только на весь годъ.

Цѣна на 1 годъ съ пересылкой—6 руб. За границу—10 руб. Перемѣна адреса 50 к.
Учащимся въ высш. уч. завед., нар. учителямъ, крест., рабоч. и служ. обществ.
учрежденій, при непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору, цѣна на
1 годъ съ перес.—5 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера 1 руб. 50 коп. Пересылка по дѣйствительной стоимости.

Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ журналомъ,

№ 1-й можетъ быть высланъ за 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Адресъ редакціи и главной конторы обоихъ журналовъ: Москва, Трубная ул.,
д. 33, кв. 5. Телеф. 3-92-85.

Подписка принимается также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и
почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

БИБЛИОТЕКА
СЕМИБРАТНИКОВСКОГО
СОЮЗА КЪДЛ
Искусств

Цѣна 60 коп.

Складъ изданія: Москва, Трубная ул., д. 89, кв. 5.
Книгоиздательство «Дѣло». — Телеф. 8-92-85.